

• ИРИНА •

ПЛЕБОВА

КАПКАН ДЛЯ ПРИЗРАКА

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Ирина Николаевна Глебова

Капкан для призрака

Серия «Следователь Викентий Петрусенко»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685455

Капкан для призрака: Эксмо; М.; 2011

ISBN 978-5-699-53723-5

Аннотация

Если прирожденный сыщик, дни и ночи проводящий на работе, вдруг решит взять отпуск, – удастся ли ему отдохнуть или снова он попадет в водоворот преступных интриг? Молодой дворянин и следователь по особо опасным делам Викентий Петрусенко с семьей отправляется на отдых в Баден-Баден. Там, в горах Шварцвальда, больше ста лет назад, разворачивались трагические и захватывающие события романа «Капкан для призрака». Знаменитая международная банда контрабандистов и фальшивомонетчиков во главе с жестоким и хитрым негодяем знатных кровей терроризирует маленький курортный городок. Сыщику Петрусенко предстоит разоблачить их – но прежде не побояться попасть в старинный замок кровавой графини, спуститься в холодные подвалы местных землевладельцев и даже подняться в небо на самолете!

Содержание

1	4
2	13
3	23
4	38
5	53
6	69
7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ирина Глебова

Капкан для призрака

1

Все столики вагона-ресторана были заняты. Викентий Павлович остановился у двери, постоял минуту, задумчиво перекатываясь с пяток на носки и размышляя: «А может, сделать заказ и вернуться в купе к Люсе и Кате?..» Но в тот момент, когда он уже решительно пристукнул тросточкой, готовый развернуться, к нему подскочил официант:

– Прошу вас, сударь, за мной!

Он провел Петрусенко в середину вагона и указал на свободное место за двойным столиком у окна. Очень удобное место, которое сам Викентий Павлович от входа не разглядел. Уже обедающий господин промокнул губы салфеткой, привстал, приветствуя соседа. Викентий Павлович подумал, что ни вчера вечером, ни за завтраком он этого человека не видел. «Наверное, сел в Варшаве...» Польскую столицу они проехали в полдень.

Сухопарый человек с породистым лицом только на первый взгляд казался надменным. Когда он заговорил, лицо его осветила приветливая улыбка. «Чиновник высокого класса, – прикинул Петрусенко. – Скорее всего – министерский.

Едет в командировку...»

– Действительный статский советник Шаврин, Филипп Филиппович, – представился сосед. – По ведомству господина Коковцова.

«Верно, министерство финансов», – мысленно улыбнулся своей догадке Петрусенко.

Узнав, что Викентий Павлович – следователь полицейского департамента, господин Шаврин оживился.

– Вы знаете, я ведь еду в Берлин с особым, если можно так сказать, заданием! И не только как представитель своего министерства: в том деле, которым я занимаюсь, мы действуем вместе с вашим полковником Герасимовым.

Он многозначительно склонил голову, глядя на Петрусенко, и вдруг всплеснул руками:

– А может, мы одним делом занимаемся?

Викентий Павлович мягко улыбнулся:

– Нет, господин Шаврин, я служу не в политической полиции полковника Герасимова. В сыском департаменте. А еду в отпуск, вернее даже – подлечиться. Вот... – Он указал на свою трость. – Почти месяц назад ранен был, теперь нужны водные процедуры.

В глазах Шаврина промелькнула догадка, и он вдруг по-мальчишески присвистнул:

– Постойте-ка! Господин Петрусенко? Тот самый следователь, который раскрыл убийства в Белополье? Наши газеты еще до сих пор об этом пишут! И знаменитый саратовский

маньяк-потрошитель, его тоже вы поймали! Дорогой Викентий Павлович, я так рад, что судьба свела нас!

Перегнувшись через стол, он долго тряс руку следователя. Викентия Павловича тронул такой искренний восторг, он даже загордился немного. А его собеседник разоткровенничался:

– Я, знаете, тоже занимаюсь розыском, конкуренцию вам составляю, если можно так сказать! Вы, верно, слышали о группе фальшивомонетчиков – наглых и пока неуловимых? Вот уже два года, как они наводняют страну поддельными кредитными и банковскими билетами, процентными бумагами...

Викентий Павлович, конечно же, знал об этом. Изготовители фальшивых денег никогда не переводились, периодически их вылавливали, их изделия растворялись в общей денежной массе без особого ущерба для бюджета. Но Шаврин был прав: за два года группа очень опытных мошенников пустила в оборот не менее пяти миллионов фальшивых денег, а по мнению некоторых специалистов – значительно больше! Причем их изделия выполнены были мастерски, отличить от настоящих на глаз невозможно. Министерство финансов забило тревогу, и вот около года назад полиция вышла на эту группу.

– Да, господин Шаврин, я помню, как мы бездарно упустили их – нашли под Москвой только следы на заброшенной фабрике...

– Однако не так уж и бездарно сработала полиция, – не согласился чиновник. – Вы слишком строги, господин Петрусенко. Ваши коллеги такую большую работу провели, пока выяснили, что фальшивомонетчики арендовали у наследников разорившегося промышленника стеклодувную фабрику, уверили, что восстановят там производство...

– И спокойно, прямо под самой Москвой, печатали ценные бумаги, вывозили, распространяли их!

– У них, по всей видимости, толковый руководитель.

– Не сомневаюсь. Однако, Филипп Филиппович, я последнее время совсем не интересовался этим делом... Впрочем, о том, что из-под Варшавы они улизнули так же успешно, как и из-под Москвы, слыхал.

– Увы, увy... Да, эта же группа купила в Польше одиноко стоящую ферму. Когда их обнаружили – там уже было пусто. Я как раз был в Варшаве по этому делу, просматривал собранные материалы, все суммировал.

– А теперь что же – ниточка потянулась в Германию?

– Вы догадались? – изумился Шаврин. – Да, очень похоже! Хотя полной уверенности у нас нет, но все же меня командировали в Берлин. Имперское министерство финансов очень обеспокоено: у них тоже появились фальшивые банкноты в большом количестве. Немцы готовы сотрудничать с нами... Хотя сейчас это стало несколько труднее...

– Вы имеете в виду политическое похолодание? – небрежно пожал плечами Петрусенко.

– Да. Знаете ли, наш союз с Францией не слишком радует Германию, если можно так сказать.

– Уверяю вас, это несерьезно. Куда через неделю наш государь со всей своей семьей собирается? Как раз сюда, в Германию, в Гессенский замок Фридберг, на родину своей жены. Будьте уверены, он непременно встретится с императором Вильгельмом, и все спорные вопросы они решат по-родственному.

– Ох, боюсь, далеко не всем в нашем правительстве это придется по сердцу!

Викентий Павлович согласно кивнул. Он знал, что и в Думе, и в правительстве Столыпина были довольно сильны антигерманские настроения. Он и сам не слишком одобрял горячую любовь русского царя к германскому императору. Подобная любовь чревата уступками в пользу немцев... Но все же он считал, что главное – сохранение мира, особенно сейчас, когда внутри страны столько трудностей и тревог!

– Во всяком случае, Филипп Филиппович, ваша миссия встретит в Берлине поддержку, не сомневаюсь. И желаю вам успеха. Однако вам не завидую – дело сложное.

– Сложное дело раскрыли вы, Викентий Павлович! И опасное. Так что отдыхайте, лечитесь – от души желаю вам покоя.

– Да уж не премину!

Они уже пили кофе. Викентий Павлович задумался, глядя в окно. Мимо проплывали скошенные поля и зеленые луга,

где паслись небольшие отары овец. Поезд громко засвистел и через минуту вошел в туннель. Стало темно, но тут же появились официанты с уже зажженными свечами в подсвечниках, поставили по одной на каждый столик. Вагон-ресторан тут же приобрел уютно-таинственный вид, люди невольно заговорили полупшепотом. Так продолжалось минут пять, и вдруг солнечный свет вновь влился в окна, а поезд стал притормаживать у маленькой аккуратной станции. Викентий Павлович попрощался со своим собеседником. Официант, подавая ему счет, спросил с улыбкой:

– А где же маленькая барышня, которая всем так полюбилась?

– Она заснула, – ответил Петрусенко. – Если уже проснулась, сейчас придет обедать вместе с матерью. А если все еще спит – жена придет одна.

– Я приготовлю для них место, – пообещал официант.

Четырехлетняя Катюша, дочь Викентия Павловича, ужинала и завтракала здесь вместе с отцом и матерью. И успела перезнакомиться почти со всеми посетителями ресторана. Малышка всегда с необыкновенной легкостью очаровывала людей – милым личиком, своей детской доверчивостью и чудесной непосредственностью. Отворив дверь в купе, Викентий Павлович увидел, что девочка все еще спит.

– Иди, Люсенька, обедай, – сказал он жене, – я с ней посижу.

Людмила быстро собралась, выходя, кивнула на столик:

– Здесь разносили газеты, я купила несколько. Не скучай...

Викентий Павлович хотел поправить одеяло на спящей дочери, но не стал – в купе было тепло, на девочке байковая пижама. Катюша лежала, вольно разбросав руки и ноги, светлые кудряшки рассыпались по подушке. Улыбнувшись, Петрусенко сел рядом, взял газету. Газеты были немецкие, но он язык знал хорошо, причем читал даже лучше, чем разговаривал. Лениво перелистал первые страницы – политические новости и комментарии. Не стоит на отдыхе забивать голову подобными вещами. А он решил, что будет именно отдыхать – по-настоящему, беззаботно, весело. И сразу же наткнулся на рекламные объявления: «Показательно-развлекательные полеты на «летающих этажерках». Два известных воздушных аса, фон Даммлер и русский Сергей Ермошин, покажут образцы рискованного пилотажа над городами Мангейм, Штутгарт и Карлсруэ...»

– Как интересно! – тихонько вслух произнес Викентий Павлович. – Сережа Ермошин здесь... В каких же числах это будет? О, совпадает! Надо будет сходить – Люсе показать и Катюше!

Всего лишь два года назад в Санкт-Петербурге учредили Императорский Всероссийский аэроклуб. В тот же год, летом, на Комендантском поле проходили показательные полеты первых российских авиаторов. Петрусенко как раз был в столице и не мог пропустить такого события. Он видел, как в

самолет с капитаном Мациевичем сел премьер-министр Столыпин. Стоящий рядом с Петрусенко руководитель сыскного департамента тихонько охнул:

– Что он делает! Полковник Герасимов при мне его предупреждал: Мациевич – эсер!

На Столыпина уже было несколько серьезных покушений со стороны террористов-эсеров. Петрусенко покачал головой, следя, как самолет берет разбег, – он восхищался этим человеком. А когда самолет вновь благополучно опустился на летное поле, вдруг, неожиданно для себя, попросил начальника департамента:

– Очень хочется последовать примеру! Посодействуйте!

И добился-таки своего: сел в самолет к пилоту Сергею Ермошину, пролетел над Санкт-Петербургом! Незабываемое ощущение! Особенно если вспомнить, что через два дня здесь же, на Комендантском поле, капитан Мациевич разбился, выпав из самолета...

В Берлин поезд прибыл под вечер. Большой шумный вокзал напоминал чем-то вокзал родного Харькова. Петрусенко вышел из вагона, чтобы попрощаться с господином Шавриным, пожелать ему удачи в трудном деле. Катюша сильно переживала и кричала, высунув головку в окно:

– Папа, папочка, зайди скорее, а то поезд уедет без тебя!

Рано утром они уже ехали по южной Германии. Катюша просто прилипла к окну.

– Папа, мамочка, – спрашивала она восторженно, – это

что, домики игрушечные?

Викентий и Люся смеялись: мелькающие мимо небольшие селения с аккуратными коттеджами под яркими черепичными крышами, в окружении фруктовых садов, ажурных оград и с мощеными дорожками от ворот к крыльцу и правда казались декоративными. По зеленой долине узкой лентой вилась река, вдалеке, на поросшей лесом скале, высились развалины крепости, или замка, или церкви...

– Красиво, – протянула Люся. – И Катюша права – как на картинке. Мне нравится, я верю, что здесь мы хорошо отдохнем.

В Карлсруэ они пересели в вагон местного паровоза с удобными мягкими сиденьями и через полчаса уже вышли на платформу небольшого чистенького вокзала курортного городка Баден-Бадена.

2

Уже на вокзале Людмила с удивлением заметила:

– Как много народу! Мне кажется, раньше здесь такого столпотворения не было.

– Ну, положим, Баден-Баден всегда был популярным курортом, – возразил Викентий. – Просто ты, когда была здесь в свои юные годы, вовсе не на то обращала внимание... Не переживай. Немцы умеют поддерживать порядок.

Он оказался совершенно прав. Выходящие из поезда на перрон люди не успевали растеряться – около них тотчас же оказывались носильщики, которых здесь называли пактрегерами, степенно брали чемоданы, несли к извозчикам, выстроившимся на небольшой привокзальной площади. Толпа приехавших быстро рассасывалась, причем Петрусенко заметил, что многие о чем-то расспрашивают извозчиков и уезжают лишь после недолгих переговоров. Людмила первая догадалась, в чем дело.

– Они расспрашивают о жилье! Подозреваю, что здесь сейчас не так-то просто устроиться прилично. Как хорошо, что у нас есть адрес и нас ждут!

Коляска неторопливо катила по улице городка, мимо нарядных небольших домов, почти в каждом из которых, судя по всему, держали пансион.

– Смотри, мамочка! – захлопала в ладоши Катюша. – Ка-

кие красивые флажки и фонарики!

– Это курзал, – сказала Люся, указывая мужу на одноэтажный полукруглый дом с деревянной ажурной верандой по периметру. Он и в самом деле был украшен разноцветными флажками и фонариками, на небольшой площадке между причудливыми цветниками стояли столики и стулья. – Здесь отдыхающие собираются вечерами на различные концерты, танцы. Не путать, пожалуйста, с кургаузами. Это совсем другое! В кургаузе мы будем принимать лечебные воды.

Викентий улыбался, глядя на жену. Она была очень оживлена, увлеченно оглядывалась по сторонам, смеялась, узнавая что-то, виданное в юности. Еще было утро, хотя и не самое раннее, а улицы казались многолюдными. Навстречу им спешили нарядно одетые дамы и господа, в определенном направлении местные жители везли тележки, несли большие корзины. Катюша вновь восторженно захлопала ладошками:

– Собачка, какая хорошая, вместо лошадки!

Викентий и Люся засмеялись следом за дочерью: по тротуару с деловым видом вышагивал крупный мохнатый пес, запряженный в маленькую тележку. На ней стояли два молочных бидона, следом шла старушка-молочница. Не успел пес важно прошествовать мимо, их коляска – завернуть за угол, как им навстречу попала еще одна тележка, на этот раз с хлебом – ее тоже сосредоточенно тащила коротколапая сильная собака, а следом вприпрыжку бежала девочка-подросток.

– Похоже, собачьи упряжки здесь – самое обыкновенное зрелище, – констатировал Викентий Павлович. – Это так по-немецки: всех приспособить к делу!

– А мне кажется, папочка, собачкам очень нравится возить тележки!

– Верно, малышка! – Люся обняла дочку. – Их хозяева специально доставляют им такое удовольствие.

На улицах былолюдно. Викентий Павлович вспомнил, сколько пассажиров вышло из поезда вместе с ними. А ведь каждый день сюда приезжает не один состав! И хотя курортный сезон уже идет на убыль – народ все еще едет. Петрусенко с признательностью вспомнил давнего друга их семьи, адвоката Илью Михайловича Семенова: именно он дал адрес, по которому они сейчас едут.

...Дело, которым следователь Петрусенко занимался в небольшом городе Белополье, принесло ему заслуженную славу: убийца двух женщин был изобличен. Но преступник стрелял и ранил Викентия Павловича в ногу. Рана, к счастью, была неопасной, но довольно сложной – дважды пришлось перенести операцию. Когда после второй, уже в харьковском госпитале, Петрусенко вернулся домой, начальник губернской полиции настоял, чтобы он взял отпуск.

– Ваше здоровье, дорогой Викентий Павлович, – сказал он, – это ценный капитал! И для вас самих, и для нас. Хорошенько подлечитесь – я настаиваю на этом!

А через день его навестил адвокат Семенов – пожилой че-

ловек, друживший еще с отцом Викентия. Он тоже посоветовал серьезно заняться здоровьем.

– Вы, Илья Михайлович, уже не первый человек, кто говорит об этом Викентию, – пожаловалась Людмила. – И, между прочим, когда мы возвращались из Белополья, ты, мой дорогой, пообещал, что поедем на воды, в Баден-Баден. Теперь, когда тебе дали отпуск, в самый раз свое обещание выполнить!

– Люсенька права, Викеша! – поддержал ее Семенов. – Там не только воды, там сам воздух целебен! Поезжайте, не пожалеете. А я дам вам адресок в пансионат к очень хорошим людям!

И он рассказал Викентию и Людмиле, что лет семь назад был хорошо знаком с семьей обрусевшего немца – Людвиг Лютца. Господин Лютц служил начальником почты в городе Белая Церковь под Киевом, был женат на русской, у него росло двое детей – дочь и сын. Образованный, милый человек... Пять лет назад он неожиданно получил наследство: в Германии умер его троюродный дед, а Людвиг Августович оказался его единственным живым родственником. Ему достался приличный счет в банке и пансионат в Баден-Бадене. Здесь же он был простым скромным служащим, потому не долго раздумывал – со всей семьей уехал.

– Я был у него, остался очень доволен! Пансионат небольшой, но уютный, налаженный, предусмотрено буквально все. Причем в прекрасном месте: рядом источник и природные

бассейны. И чуть ли не сразу от порога – чудесный сосновый лес. И сам господин Лютц, и его жена – приветливые хозяйева, да и просто приятные люди. Их дочь Эльза – славная девушка, парнишка, Эрих, – немного замкнутый, но хорошо воспитанный... Смотри, Викентий! Если хочешь, я могу сегодня отправить им срочное письмо, попросить оставить для вас комнаты. Через неделю уже ответ буду иметь...

Викентий ненадолго задумался, потом посмотрел на жену с улыбкой и кивнул:

– Пишите, Илья Михайлович. Что же делать – обещания свои надо выполнять! Только, знаете... не упоминайте о том, что я полицейский служащий.

– Верно, Илья Михайлович, миленький! – подхватила Люся. – А то ведь не получится спокойного отдыха, это уже нами так хорошо проверено! Собачка убежит на полчаса погулять, или хозяйка забудет где-нибудь свои сережки – и уже бегут к Викентию: «Кража, кража!»

– Хорошо, хорошо, – засмеялся старый адвокат, – не буду о профессии вообще упоминать. Напишу: «...мой давний друг»!

Теперь же, глядя на утренние улицы, заполненные народом, на прикрепленные к воротам многих домов таблички: «Мест нет», Викентий Павлович еще раз мысленно поблагодарил адвоката Семенова за хлопоты. Люся, похоже, вспомнила о том же, потому что повернулась к мужу и спросила с веселой улыбкой:

– Как себя чувствуете, господин фармацевт? Никто не станет просить раскрывать кражи, но зато потянутся к тебе с разными болячками!

– А я, моя дорогая, буду выдавать себя за владельца крупной аптеки, что в какой-то мере, соответствует истине. А для этого совсем не обязательно быть настоящим фармацевтом – достаточно примитивного, дилетантского уровня. Буду многозначительно изрекать по-латыни: «Mens sana in corpore sano – Здоровый разум в здоровом теле!»

– О, это ты умеешь прекрасно! Латынью всем головы заморочишь!

Они вместе засмеялись, к ним присоединился звонкий смех малышки, которая не поняла ни слова, а просто радовалась всему на свете. Еще дома, собираясь сюда, в Баден-Баден, Викентий Павлович решил, что будет выдавать себя за владельца аптеки. Это было ему не трудно: во-первых, потому, что по роду своей профессии он умел прекрасно перевоплощаться. А во-вторых, потому, что именно владельцем аптеки был его отец. Павел Сергеевич Петрусенко, потомственный дворянин, с юных лет увлекался фармацевтикой. Имения у него не было, но приличное состояние в ценных бумагах и банкнотах не только лежало в надежных банках, но и вкладывалось в прибыльные дела. Павел Сергеевич учился фармацевтике на медицинском факультете, а когда уже был женат, приобрел в центре родного Харькова особняк и оборудовал его под аптеку. На первом этаже располагались

три торговых зала – стены обшиты полированным деревом, большие зеркала, стеклянные витрины и очень элегантные стеклянные этажерки-вертушки. На втором этаже работали лаборатории, где специалисты изготавливали лекарства. Аптека магистра Петрусенко пользовалась популярностью не только в городе: почтовые заказы отправлялись во все концы страны... Но отец и мать Викентия Павловича рано ушли из жизни, сам же он, как и отец, с ранних лет был увлечен... но совсем иным. Знаменитые сыщики, раскрывающие страшные преступления... И хотя в этом его увлечении было место и для научных открытий, в том числе химических и медицинских, все же заниматься серьезно аптечным делом Викентий не стал. С согласия младшей сестры Кати он передал аптеку городскому муниципалитету, оставив себе и сестре часть акций. Они до сих пор приносили неплохой стабильный доход...

Коляска, неторопливо двигавшаяся по городу, как-то незаметно проехала его, и вдруг оказалось, что дорога с высокого пригорка убегает вниз, на зеленый луг. Но, опережая вопросы пассажиров, возница свистнул в воздухе бичом, и лошадь послушно свернула влево. Вдоль невысокой, увитой плющом и хмелем изгороди они проехали еще немного, и тут посыпанная гравием дорога окончилась прямо напротив ворот.

– Приехали, – сказал извозчик. – Вот это и есть вилла «Целебные воды».

Об этом же гласила и надпись ажурными буквами, исполненная над воротами в виде арки.

– А здесь очень хорошо, – сказала Люся, прыгивая на землю и ссаживая дочку. – Если это все – владения господина Лютца, то это и правда настоящий пансионат.

Викентий Павлович понял, о чем говорит жена: изгородь уходила направо и налево, охватывая, по всей видимости, большую территорию. За обширным двором с дорожками из желтого гравия стоял одноэтажный дом – длинный, несколько причудливой формы, из светло-желтого кирпича под розовой черепичной крышей. От крыльца к ним уже спешили женщина и молодой человек – судя по всему, хозяйка и ее сын.

– Фрау Лютц? – спросил Викентий Павлович по-немецки. – Наш друг, герр Семенов, писал вам рекомендательное письмо обо мне и моей семье... Господин и госпожа Петрусенко с дочерью...

– Бог мой! – всплеснула руками женщина. – Господин Петрусенко, говорите по-русски, сделайте милость! Мы всегда так рады своим соотечественникам, да еще с Украины! С нашими мы говорим по-русски, вот и Эрих чтоб не забывал!

Молодой человек вежливо склонил голову, потом подхватил оба чемодана и пошел вперед. Катюша тут же пристроилась рядом с ним, заговорила. Викентий Павлович заметил, что парень замедлил шаги, чтобы малышка поспевала за ним. Хозяйке он позволил взять лишь небольшую сумку,

тяжелый дорожный баул нес сам. Они шли следом за симпатичной, приветливой Анастасией Алексеевной – так она сама попросила называть ее. Когда Эрих впереди не зашел на крыльцо, а стал огибать дом, хозяйка пояснила:

– У нас основные комнаты для гостей в самом доме, но вас мы решили разместить в отдельном коттедже. Вам там будет очень удобно, не сомневайтесь!

– Ой, какой красивый домик! – вскрикнула Катя. Следом за ней Викентий Павлович и Людмила тоже увидели коттедж и сейчас же согласились с девочкой. Он стоял среди небольшого фруктового сада, в окружении цветочных клумб, по стенам вились плетистые розы с маленькими декоративными цветами. Крыльцо в три ступеньки поднималось к деревянной веранде и входной двери. С другой стороны виднелась такая же веранда. Хозяйка тотчас объяснила:

– Здесь два совершенно изолированных помещения на две семьи, с отдельными входами. У вас две комнаты, и у ваших соседей тоже.

– Прекрасно! – восхитилась Людмила. – Мне здесь нравится.

– А кто наши соседи? – поинтересовался Викентий Павлович.

Ответил Эрих, который уже зашел на веранду, поставил чемоданы и открывал ключом дверь в комнаты.

– Они очень хорошие люди... Отец и дочь.

– Верно, верно, – закивала Анастасия Алексеевна. – Они

наши постоянные жильцы: живут здесь уже полгода. Я уверена, вы подружитесь... А через полчаса прошу вас в дом, в столовую. Вы успели как раз к завтраку!

Жена и дочь еще спали, когда Викентий Павлович осторожно прикрыл дверь и вышел на веранду. Он был в длинном купальном халате, с полотенцем через плечо – его ждал теплый минеральный бассейн, полчаса процедур по расписанию.

В пансионате «Целебные воды» было два собственных бассейна, где били термальные источники – очень удобное обстоятельство. Ведь большинство курортников Баден-Бадена пользовались общественными кургаузами, выстаивая большие очереди и к бассейнам, и к залам питьевой воды. Правда, никто на это не жаловался, наоборот: там устраивались ежедневные променады и места встреч, обсуждались новости и внимательно изучались вновь приехавшие. Но Викентий Павлович не переживал, что будет лишен подобного развлечения. Вот уже третий день он вставал рано утром и шел окунаться на полчаса в теплую воду бассейна, содержащую щелочи, серную кислоту и углекислый газ. После обеда он проделывал это еще раз. Следом за ним, в четко определенное время, бассейн занимали по очереди другие постояльцы.

Викентий Павлович стал огибать коттедж по желтой гравийной дорожке, но у большого розового куста остановился. И вовремя, потому что на соседнюю веранду как раз заходил

Эрих. Заходил не то чтобы крадучись, но стараясь остаться незамеченным. Петрусенко не подглядывал за ним, во-все нет! Просто он третий раз подряд наблюдал одну и ту же сценку. Парень осторожно проскальзывал мимо первых двух окон – видимо, спальни господина фон Касселя – и тихонько стучал в третье окно. Оно сразу распахивалось, и оттуда очень ловко выпрыгивала девушка, почти девочка – дочь фон Касселя Гертруда. Викентий Павлович не мог не любоваться этим совершенно очаровательным созданием шестнадцати лет. Не потому, что девушка была какой-то необыкновенной красавицей... Труди – так называл ее отец и следом за ним все вокруг – была олицетворением здоровья и молодости: грациозная, гибкая и в то же время сильная. На девушке была надета полотняная свободная туника, обнажающая руки и открывающая ноги почти до середины икр, легкие сандалии с высоко переплетенными ремешками. Но Викентий Павлович был уверен, что девчонка охотнее бегала бы босиком. Волосы, заплетенные в две тяжелых каштаново-золотистых косы, опускались ниже пояса, но надо лбом выбивались непокорными выющимися прядями. Чуть вздернутый носик в веснушках, румянец, пробивающийся даже сквозь сильный загар, голубые озорные глаза... Она перепрыгнула подоконник без всякой помощи и лишь потом взяла протянутую руку Эриха. Так, держась за руки, они пошли по боковой аллее. А Викентий Павлович отправился в сторону бассейнов.

Они находились недалеко от коттеджа, за полосой можжевельникового кустарника. Огороженные деревянным штакетником, выкрашенным в веселенький ярко-зеленый цвет, с натянутыми поверху полотняными тентами, оба бассейна были совсем рядом друг с другом. Потому расписание строилось так, что в одно время там принимали процедуры или двое мужчин, или две женщины. Вот и сейчас, подходя к предназначенному для него бассейну, Петрусенко услышал, что в соседнем уже плещется господин Лапидаров. Тот тоже услышал скрип открываемой двери, закричал:

– Здравствуйте, Викентий Павлович! Вы сегодня опаздываете на пять минут!

Викентий Павлович поморщился. Этот постоялец пансионата считал себя вправе фамильярничать со всеми соотечественниками. Петрусенко мог бы одной фразой поставить его на место, но не делал этого. Как ни странно, именно потому, что Лапидаров очень ему не нравился. Петрусенко с первого взгляда угадал в нем мошенника-профессионала. Но главное, между хозяином и этим скользким типом существовали непонятные отношения, напоминающие дружбу кролика и удава. Викентий Павлович и сам не заметил, как стал приглядываться, анализировать... вопреки своему горячему желанию только отдыхать, ни во что не вмешиваясь...

– И что, помогает вашему артриту водичка? – продолжал громко спрашивать Лапидаров.

– Похоже, что да, – коротко ответил Петрусенко.

Но его собеседник не собирался замолкать. Викентий Павлович еще в первый день знакомства заметил, что Лапидарова просто-таки распирает от желания разглагольствовать о своих планах на будущее. Это несколько не соответствовало образу действия махинаторов: те все больше были молчунами, предпочитали слушать, а не говорить. Однако Петрусенко предположил, что Лапидаров, по всей видимости, «провернул» и выгодное дельце, причем провернул очень удачно – по крайней мере, с его точки зрения. Вот и болтал на радостях. Да и пусть бы... Вот только Викентий Павлович очень сильно подозревал, что жертвой Лапидарова стал господин Лютц – их милейший хозяин, а значит, и все его семейство.

– То-то же! – Лапидаров громко и бесцеремонно захохотал. – Это вам не ваши лекарства, даже самые дорогие и патентованные! Это натуральная природа! Оттого народ и валит сюда валом со всей Европы...

Петрусенко промолчал. Он полулежал в естественном, самой природой образованном озерце, где вода была слегка повышенной, очень приятной температуры, с несильным, но заметным запахом серы. Человеческие руки устроили по периметру озера бордюр с перилами, лесенку, по которой было удобно спускаться в воду, а на дне – небольшое возвышение в виде сиденья. Лапидаров умолк, и Викентий Павлович смог спокойно, отрешенно провести отведенные ему полчаса. Но когда он, растеревшись полотенцем и запахнув

халат, вышел из своего бассейна, из соседней двери появился его навязчивый собеседник. На Лапидарове тоже был халат – махровый, расцвеченный радужными узорами и вовсе не скрывающий прилично выпирающее брюшко. Редкие влажные волосы длинными прядями аккуратно были зачесаны от правого уха к левому – жалкая попытка прикрыть плешь. Но в то же время Лапидаров был крепкий, здоровый, хорошо загорелый мужчина лет сорока пяти. Он тут же пристроился рядом с Петрусенко и заговорил, словно восполняя несколько минут вынужденного молчания:

– Согласитесь, дорогой Викентий Павлович, господин Лютц совершенно непрактичный человек! Разве так делается дело? Такое благодатное место – и всего два термальных бассейна! Всего один источник минеральной воды! Смешно, я бы даже сказал – преступно смешно! Когда я стану здесь хозяином, построю не меньше десятка бассейнов. Да здесь только копни – и вот она, водичка! Не нужно никаких особых выдумок: поставил вокруг заборчик – и запускай народ! И он пойдет, пойдет! Очередь стоять будет, как кругом, потому что водичка-то целебная – мы с вами на себе это ощущаем, не так ли?

– А вы, значит, покупаете у Лютцев их пансионат? – простодушно глядя на Лапидарова, спросил Викентий Павлович.

Он уже слышал нечто подобное: Людмиле служанка Грета обмолвилась, что господин Лютц в больших долгах у Лапи-

дарова, и тот чуть ли не забирает у него «Целебные воды».

– Не то чтобы покупаю... – Лапидаров ничуть не смутился. – Мы с Людвигом давние друзья...

– Месяца три? – Петрусенко знал, что Лапидаров живет в пансионате с начала лета.

– Нет, – тот неопределенно махнул рукой, – давно, еще с России... Я ссужал старину Людвига деньгами, помогал в трудное время. Теперь вот он решил поделиться со мной – для своей же пользы. Я такой размах придам делу, что та часть, которая останется его семье, будет ничуть не меньше, чем то, что они получают теперь! И потом... – Викентий Павлович не успел уклониться, как Лапидаров интимно взял его под руку, чуть понизил голос: – Я подумываю... не жениться ли мне на Эльзе? Славная немочка и в то же время по-русски говорит. Вот и породнимся с Лютцами.

Его самодовольное лицо казалось масляно-лоснившимся, хотя он только что вышел из воды, а утреннее солнце еще не припекало. Петрусенко решительно забрал свою руку, но Лапидаров понял это по-своему. Они как раз подошли к маленькой площадке с клумбой и скамейками, где тропинки расходились в разные стороны.

– Ну, до встречи в столовой! – Лапидаров махнул рукой и уже вслед Викентию Павловичу добавил: – Такой коттедж, как у вас, – это тоже роскошь, да еще один! Я понастрою здесь в саду деревянных домиков – будьте уверены, пустовать не будут! Вы меня, как деловой человек, должны пони-

мать...

До завтрака в бассейн успела сходить еще Люся вместе с Катюшей, правда, их время купания, по предписанию врача, занимало всего десять минут. В половине десятого, бодрые и веселые, они уже встретились за табльдотом с остальными постояльцами пансионата. Хозяева – все семейство Лютцев, – тоже столовалось вместе со своими гостями.

Дом был выстроен в виде буквы «П». В западной его части размещались шесть комнат для постояльцев, в восточной – столько же комнат занимала хозяйская семья. Длинное помещение, соединявшее два крыла, было столовой и гостиной одновременно. Закуски стояли на одном общем столе, все рассаживались по своим местам. Викентий Павлович уже неплохо изучил людей, с которыми довелось ему здесь столкнуться и с которыми придется жить бок о бок почти месяц. Но все равно он с неизменным интересом разглядывал все общество.

Прямо напротив него сидели супруги из Норвегии по фамилии Эверланн. Среднего возраста, похожие друг на друга, как брат и сестра: высокие, худые, белобрысы. Людмила принимала водные процедуры в одно время с госпожой Эверланн, и Катюша повадилась перебегать из бассейна в бассейн. Норвежка не возражала, ей нравилась малышка. У них, как понял Викентий Павлович, был взрослый, самостоятельный сын, но еще не было внуков...

Рядом с Викентием Павловичем сидел сосед по коттеджу

– господин фон Кассель. Петрусенко был этому искренне рад. Во-первых, не Лапидаров, и это уже прекрасно! Но и без того фон Кассель ему нравился. По выправке, манере держаться он мог показаться отставным офицером. Действительно, когда-то Герхард фон Кассель служил в колониальных войсках, но это было давно и недолго, а потом судьба его повернула совсем в другую сторону. Фон Кассель примкнул к бурам, долгие годы жил в Южной Африке, там родились и выросли его дети: сын и дочь – та самая Труд, которая каждое утро ловко выпрыгивала из окна навстречу хозяйскому сыну Эриху... Высокий, дочерна загорелый фон Кассель, со светлыми волосами – наполовину седыми, наполовину выгоревшими на солнце, – уже сидел на своем месте, когда в столовую одновременно вошли Гертруда и Эрих. Никто этому не удивился: похоже, парня и девушку уже привыкли постоянно видеть вместе. Труд стремительно поцеловала отца в щеку и тут же устроилась на стуле рядом, стала щедро наполнять свою тарелку едой. Эрих отошел дальше, потому что рядом с юной жительницей колонии сидела его сестра Эльза.

Викентий Павлович знал, что Эриху Лютцу восемнадцать лет, Эльзе – двадцать четыре. Знал и то, что девушка окончила в России женскую гимназию, музыкальные курсы. Знал и о том, что Лизочка очень тоскует по своей «настоящей родине», как призналась она Людмиле, и непременно хочет вернуться туда... Если юная Гертруда фон Кассель казалась ему воплощением самой богини Дианы, то Эльза представ-

лялась Снегурочкой. И не только потому, что выглядела одновременно хрупкой и воздушной, застенчиво-скованной, как будто никак не могла оттаять. Но еще и потому, что вокруг, как некий Мизгирь, кружил, подбираясь все ближе и ближе, Лапидаров.

Он, заняв привычное свое место на другой стороне стола, чувствовал себя совершенно непринужденно. «Как хозяин», – подумал Викентий Павлович, незаметно наблюдая. Лапидаров размахивал вилкой с нанизанным куском ветчины и с напором что-то втолковывал своему соседу – Людвигу Лютцу. Тот слушал, склонив набок голову, и медленно намазывал маслом ломтик булки, не решаясь откусить, чтобы не обидеть невниманием говорившего. Петрусенко чуть заметно усмехнулся: интеллигенты, подобные Лютцу, вызывали у него умиление, замешенное на искреннем уважении. Но временами и раздражали: нельзя же быть настолько беззащитным!

Рядом с мужем сидела хозяйка, Анастасия Алексеевна. Она старалась выглядеть спокойной и приветливой, но вид у нее был невеселый. Время от времени она прислушивалась к разговору мужа и Лапидарова, но потом отвлекалась, давая указания служанке. Немецкая девушка Грета постоянно бегала из кухни в столовую...

На стороне Викентия Павловича, рядом с Эрихом, сидел еще один, последний постоялец пансионата – тоже из России. Это был молодой человек по фамилии Замятин, зва-

ли его Виктором, но все вокруг и он сам себя называли на французский манер – Викто^р. Викентий Павлович уже слышал, что Замятин – отпрыск богатого аристократического семейства. Бурной распущенной жизнью – пьянством, курением восточных трав, азартными играми – он сильно подорвал свое здоровье и особенно психику. Вот уже год, как родители всеми силами старались подлечить его в различных отечественных и зарубежных клиниках. Парень как будто бы стал поправляться и три недели назад приехал на воды в Баден-Баден. При нем состоял пожилой слуга по имени Савелий, который буквально нянчился с молодым человеком.

Эрих и Замятин тоже потихоньку переговаривались. Петрусенко еще раньше заметил, что молодые люди подружились, хотя Замятин был лет на десять старше младшего Люнца. Но, видимо, вследствие своей болезни он был очень простодушен. Знал о своей ущербности и совершенно этого не стеснялся. Вчера вечером Викентий Павлович играл с ним в шахматы на веранде своего коттеджа. Играл Викто^р очень прилично, но в какой-то момент допустил совершенно нелепую ошибку. Петрусенко указал ему, тот хлопнул себя по лбу, засмеялся, сказал почти весело:

– Какая же у меня глупая голова! Папа и маман так стараются меня вылечить, но боюсь – так и останусь дурачком на всю жизнь...

Вообще-то Замятин обычно выглядел неплохо: высокий, симпатичный, с вьющимися темными волосами чуть ли не

до плеч, живыми карими глазами и открытой улыбкой. Но время от времени на его лице появлялось растерянно-глуповатое выражение, настолько нелепо сосредоточенное, что всем сразу становилось ясно: у этого парня с головой не все в порядке... Вот и теперь Викентий Павлович наклонился вперед за кусочком хлеба и краем глаза увидел, что лицо у Замятина как бы обмякло, взгляд затянулся туманной пеленой и устремился в одну точку. Проследив его направление, Петрусенко удивился: Замятин смотрел на Лапидарова так, словно чему-то изумился... или даже испугался. Но ведь они жили под одной крышей уже недели две. А взгляд у молодого человека такой, как будто он впервые увидел Лапидарова и узнал... Странно. Но, может быть, это тоже проявления умственной слабости? Вот Эрих окликнул его, Замятин повернулся, взгляд прояснился, он ответил, засмеялся и совершенно забыл о человеке напротив...

После завтрака все разошлись по своим комнатам, но вскоре пансионат опустеет – все найдут себе занятие в городе. Петрусенко тоже собирались пойти в курзал, но позже, после обеда: заезжая актерская труппа из Франции давала водевиль. Теперь же они решили просто погулять в сосновом бору. Но сначала взяли большие керамические кружки и попили минеральной воды из источника при пансионате.

Сосновый бор начинался сразу за территорией пансионата: высокие кроны сосен виднелись из окна коттеджа. Деревья и в самом деле были ровными, стройными, с мощны-

ми стволами и разлапистыми ветвями... На Украине – под Харьковом, под Киевом – тоже росли большие и красивые сосны. Но те леса разительно отличались от этого шварцвальдского бора. У себя дома Викентий и Людмила, навещая своих друзей за городом, охотно ходили в лес по грибы. И это в самом деле был лес: и со светлыми полянами, и с густой чащобой, и с крутыми оврагами. Здесь бор, как парк, был расчерчен дорожками, посыпанными все тем же желтым мелким гравием, деревья, казалось, стояли на одном расстоянии друг от друга, не было подлеска, валунов, оврагов. Несомненно, здесь старательно поработали человеческие руки.

– Наши друзья-немцы не одобряют дикую природу, – со смехом сказал Петрусенко жене, показывая на табличку, прибитую к столбику. На ней было написано: «Путь к вершине холма». Дорожка, по которой они шли, и в самом деле почти незаметно поднималась вверх. – Видишь, через каждые пятьдесят метров стоит скамеечка, а там, «на вершине», непременно увидим столики, навесы или даже небольшой ресторанчик.

– А мне это даже нравится, – сказала Люся. – Вон Катюша бежит впереди, я за нее не опасаюсь: никуда не денется. И ты можешь со своей больной ногой присесть, отдохнуть. Освежиться, когда поднимемся наверх, тоже не помешает.

– Пивом?

– Ой, нет! – Она со смехом замахала руками. – Ты же зна-

ешь, я его терпеть не могу! Вот что мне здесь в самом деле не нравится, так это то, что часто кроме пива и попить нечего.

– А я, Люсенька, все-таки предпочитаю, чтобы река, если она течет по лесу, текла так, как ей предназначила природа: омывала берега, прыгала по камешкам и перекатам, кружила водоворотами... Здесь, в Германии, готовы даже лесные реки одеть в каменные набережные, а русла вычистить и посыпать песочком!

– Пожалуй, я с тобой согласна...

Они как раз вышли наверх и, переглянувшись, засмеялись. У края холма была огорожена смотровая площадка, стояла беседка и несколько скамеек. Дальше, под соснами, – небольшой ресторанчик с открытой верандой и несколькими столиками, поставленными прямо на площадке у входа. Катюша уже сидела за одним из них, болтая ножками.

– Ну что ж, – сказал Викентий Павлович, – пойдем узнаем, может, найдется что-то кроме пива!

Когда они пили зельдерскую воду и ели мороженое, Люся вдруг тихонько сказала:

– Смотри, Викентий, а вот и наши соседи. Надо же, я думала, что они не общаются!

– Я вижу, – ответил Петрусенко, не поворачивая головы. – Ты тоже не смотри в их сторону, не смущай. Может быть, они хотели уединиться.

Из беседки вышли Лапидаров и Замятин, остановились на краю смотровой площадки. Они были заняты очень ожив-

ленным разговором и ни на кого не обращали внимания, тем более – на сидящих в отдалении посетителей ресторана. Говорил Замятин – было видно, что он сердится. Лапидаров отрицательно качал головой, разводил руками, похатывал. Потом погрозил Замятину пальцем и пошел по дорожке вниз. Молодой человек постоял, глядя ему вослед, потом стал догонять. Но, не дойдя немного до Лапидарова, свернул на другую дорожку. Скоро оба скрылись из виду.

– Какие они все-таки странные оба, – пожала плечами Люся. – Лапидаров просто противный, липкий какой-то. А тебе как кажется?

– Согласен с тобой, – коротко ответил Викентий Павлович. Он еще не делился с Люсей своими наблюдениями, но не удивился тому, что их мнения совпали. – А как тебе наш ненормальный аристократ?

– Дитя времени. Но мне он симпатичен, и я его жалею... О чем он мог говорить с Лапидаровым? Да еще вроде бы ссориться?

Викентий Павлович молча пожал плечами, а сам вспомнил перехваченный им за завтраком странный взгляд Замятина. Но Людмиле он об этом говорить не стал – зачем ее тревожить, да и, собственно, говорить не о чем.

– Пойдем и мы, полюбуемся видом, – предложил он жене. – Катюша, пойдем посмотрим с горки!

Они пошли на смотровую площадку, к высокому барьеру. Викентий Павлович взял дочку на руки. Перед ними внизу

лежала красивая узкая долина, пересеченная речкой; по зеленым берегам паслись овцы. Вид с высоты вызвал у девочки определенную ассоциацию, и она громко спросила:

– Папочка, а когда мы пойдем смотреть, как летают по небу машины? Ты обещал!

– Завтра, Катенька, увидим. Сядем на поезд, поедem и посмотрим, как летают аэропланы. Как раз завтра полеты будут проходить в Карлсруэ, а этот город к нам ближе всего.

Они стояли, смотрели в долину и на близкие горы. А напротив, совсем рядом, поднималась высокая скала, покрытая темным буковым лесом. На ее вершине, как зубцы короны, проступали из густой зелени башни и стены старинного замка. Викентий Павлович уже слышал и местные легенды, и местное название этого древнего здания: «Замок Кровавой Эльзы». Кровавой графини Эльзы Альтеринг.

Во время ужина Катюша громко всем объявила:

– Мы завтра поедем смотреть, как люди летают на деревянных птицах!

Малышка, конечно, немецкого языка не знала, хотя уже бойко произносила несколько фраз. Но, как ни странно, она легко общалась со всеми. Викентий Павлович смеялся, видя, как дочь живо рассказывает что-то норвежке или служанке Грете, а те внимательно слушают и кивают, словно понимают... Но эту фразу ему пришлось перевести – в прямом и переносном смысле. Он рассказал по-немецки, чтоб могли понять все, о том, что завтра они поедут в Карлсруэ смотреть на показательные полеты авиаторов – немецкого и русского.

– Русского авиатора Сергея Ермошина я знаю лично.

Он чуть было не проговорился, что летал вместе с ним, но вовремя вспомнил: ведь он аптекарь! С чего бы это аптекарь оказался в воздухе?

Еще за столом Викентий Павлович заметил, что Эльза поглядывает в его сторону, но быстро отводит глаза. Девушка подошла к нему сразу же, как только окончился ужин и он вышел на веранду.

– Викентий Павлович! – У нее дрогнул голос. – Позвольте мне поехать завтра вместе с вами!

Пока он молчал, раскуривая трубку, девушка то бледнела,

то краснела.

– Конечно, Лиза, мы будем рады... Вам уже приходилось видеть полеты?

– Нет... Но я много читала... Мне интересно!

Она закусила губу, стараясь справиться с волнением. Викентий Павлович улыбнулся ей ободряюще:

– И что же вы читали?

– Я покупаю журнал «Аэро и автомобильная жизнь», Санкт-Петербургское издание.

– О! – Петрусенко даже вынул изо рта трубку. Он по-настоящему удивился. – И кого же из авиаторов вы считаете лучшим?

Эльза вздохнула глубоко, переводя дыхание, произвольно сжала перед собой ладони.

– Мне нравится Сикорский, Ефимов... – Голос ее опустился почти до шепота, когда она окончила: – Ермошин Сергей тоже...

«Ну и ну! – подумал Викентий Павлович, едва удержавшись, чтоб не покачать головой. – Какое неожиданное совпадение. А что, если познакомить эту славную девушку с Сергеем? Доставить ей такое удовольствие! Будет потом вспоминать всю жизнь...»

Подошла Людмила.

– Представляешь, Викентий, оказывается, здесь и в самом деле никто не знал о полетах!

– Мы газет не выписываем, – сказала Эльза, оправдыва-

ясь. — В городе мало с кем общаемся, выходим на рынок или в магазин. Последнее время забот много.

— Вот, Люсенька, — кивнул Викентий Павлович, — Лиза завтра поедет с нами. Она, оказывается, большой энтузиаст летного дела, а вот аэропланов... и живых авиаторов никогда не видала.

— Что же тут удивительного? Я тоже завтра все это увижу первый раз! — Люся подхватила Эльзу под руку, и они пошли в сад. — Надеюсь, завтра погода не испортится.

— Нет, нет, что вы! — зазвенел возбужденный Лизин голос. — Я уверена, будет так же солнечно и тепло!

Викентий Павлович еще немного постоял на веранде, докурил, выбил трубку в специальную урну и собирался уже последовать за женщинами. Но тут отворилась дверь, ведущая в кухню, и на веранду вышла Грета. Эта девушка помогала Анастасии Алексеевне и Эльзе по хозяйству, хотя многое они делали сами. Собственно, кроме Греты и кухарки, слуг у Лютцев не было. Девушка жила в деревне Лиденбах, чьи белые домики и высокая колокольня виднелись на другом конце обширного луга, сразу за оградой пансионата. Каждый вечер она уходила домой и сейчас, видимо, собралась в путь. Но только она начала спускаться с веранды, как рядом оказался Лапидаров. Наверное, он поджидал ее внизу. Грета от неожиданности вскрикнула и тут же вскрикнула еще раз — Лапидаров ущипнул ее за бок.

— Ах ты, лакомый кусочек! — хохотнул он и схватил не

успевшую отпрянуть девушку за руку. – Почему ты перестала приходить убирать мои комнаты? На кой дьявол мне старая болтливая хозяйка?

Он говорил по-русски, девушка же, вырывая свою руку, отвечала по-немецки:

– Пустите же, как не стыдно! Вы пожилой, лысый человек, не приставайте ко мне! Накличете беду на свою голову!

– Боишься меня? – Лапидаров отпустил руку Греты, но продолжал загораживать ей дорогу. – А я хорошо заплачу тебе! Марок дам, много марок, понимаешь? Пойдем ко мне в комнату, покажу. У меня их много, я богатый! Понимаешь?

В столовой никого не было, веранда тоже пустовала. Петрусенко стоял в другом, темном ее конце, за большим кустом китайской розы в деревянной кадке – его не было видно. Он с интересом наблюдал происходящее, не делая попытки прийти на помощь Грете. В этом не было необходимости: Лапидаров вел себя нагло, но насилия применять не стал бы. А девушка, судя по всему, могла дать ему отпор, да и не боялась его. Это была невысокая, типично крестьянская девушка, с пышными, тугими формами, крепкими руками, розовощекая, с подобранными в узел светлыми волосами. Легкая в движениях, улыбчивая, она нравилась всем вокруг. Лапидарову, как выясняется, нравилась особенно. Он продолжал загораживать Грете проход, но вдруг буквально отлетел в сторону от сильного толчка. Однако толкнула его не Грета.

– О, Ганс! – воскликнула девушка, спрыгнула со ступе-

нек и прижалась к коренастому крепкому парню. Тот еще не успел разжать кулаки и глядел на Лапидарова, набычив голову. Викентий Павлович усмехнулся: теперь уж точно его помощь не понадобится. Он уже встречался с Гансом Лешке – Гретиным женихом из той же деревни Лиденбах. Парень тоже весь курортный сезон подрабатывал в городе – кельнером в двух больших табльдотах: то утром, то вечером. Иногда, когда мог, он приходил встретить Грету, но чаще его рабочий день кончался лишь к полуночи. Что ж, в курортный сезон сюда со всех концов Германии едут толпы не только отдыхающих, но и желающих заработать. А уж местные жители своего не упускают. От весны до осени в их карманах оседает неплохой капитал, правда, и дается он им нелегко...

– Я вас предупреждал? – спросил Ганс хриплым от злости голосом. – Хотите побаловаться – в городе есть места, вы их знаете. А к честной девушке не приставайте! Руки отобью!

– Я твой тарабарский язык не понимаю! – Лапидаров явно испугался, отступил на два шага, но пытался говорить спешиво.

И вновь Петрусенко усмехнулся про себя: он еще раньше обратил внимание на то, что этот человек изо всех сил старается показать свое незнание немецкого языка. Однако, когда Викентий и Людмила ходили в курзал на водевиль, они видели такую сценку: Лапидаров давал какое-то поручение динстману – посыльному, причем говорил по-немецки. Говорил хотя и с сильным акцентом, но без особых затрудне-

ний.

– Я предупредил! – Ганс обнял девушку за плечи. – Пойдем, Грета.

Они ушли. Лапидаров сплюнул, выругался и тоже нырнул в уже потемневший сад.

На другой день вся семья Петрусенко и Эльза Лютц уже через полчаса после окончания завтрака ехали в поезде в Карлсруэ. Все были веселы и оживленны, но особенно девушка. Ее глаза блестели, на губах часто появлялась улыбка – ни с того ни с сего, на щеках алели красные пятна. И без того нежное, милое лицо Эльзы от этого стало просто красивым. Странно было понимать, насколько сама девушка не осознает своей прелести! Она явно считала себя дурнушкой, была слишком застенчива и простовата в одежде. «Впрочем, – подумал Викентий Павлович, – возможно, это синдром «пересаженного дерева». Она ведь выросла и повзрослела в иной стране, а здесь, в Германии, за пять лет все еще чувствует себя чужестранкой».

Словно подслушав его мысли, Эльза стала рассказывать о брате:

– Может быть, вам Эрих кажется грубоватым и нелюдимым? Но это не так! Он очень впечатлительный мальчик и добрый. Только легкоранимый, потому и вспыльчивый.

– Мне ваш брат понравился сразу, – успокоил девушку Викентий Павлович. – А что с ребятами юношеского возраста ладить не так-то просто, это нам хорошо известно.

– Да, Лизонька, – подхватила Людмила. – У нас ведь есть еще двое сыновей: Саша и Митя... племянник Викентий Павловича. Остался сиротой, мы его усыновили.

Викентий Павлович улыбнулся, заговорив о мальчиках. Десятилетний сын Саша был верным оруженосцем своего двоюродного брата. Скоро у них начнутся занятия в гимназии, Митя идет в последний выпускной класс. Потому они не поехали с родителями и Катюшей в Баден-Баден, но несколько этому не огорчились. Остаться на целый месяц хозяевами в доме – это же настоящее приключение!..

– Племянник? – Лиза запнулась, посмотрела на Петрусенко, словно хотела что-то сказать, но лишь вздохнула. – Эриху труднее, чем мне, здесь, на новом месте. Потому что я живу, как и жила: хлопоты по дому, чтение тех же любимых книг – здесь легко достать русских авторов. А вот он очень хотел жить по-новому, стать истинным немцем.

– Не получилось? – спросил Викентий Павлович, вспомнив шрам на щеке у парня. Он, как только увидел этот шрам у Эриха, сразу подумал о студенческой «мензуре» – дуэли.

Эльза вздохнула:

– Не вышло... Но сейчас он уже успокоился, особенно когда встретил Труди. Она ведь тоже настоящей немкой себя не чувствует.

Викентий Павлович уже слушал разговор краем уха: собственные воспоминания пришли к нему. Он смотрел в окно на веселую долину, по которой катил поезд, на близкие

склоны лесистых гор, на мелькнувшую одинокую ферму... А думал о своей так рано и трагически погибшей сестре Кате – матери Мити.

Викентий и Катя фактически были уже взрослыми, когда остались без родителей: ему – девятнадцать, ей – семнадцать. Но Викентий хорошо помнил, как часто в то время он чувствовал себя брошенным маленьким мальчиком, которому так нужны умные, любящие родители!.. Сестра, хоть и была на два года младше, не позволяла себе расслабляться. Сжав зубы, она взяла на себя заботы и о доме, и о денежных делах, и о своем старшем брате. К этому времени она уже была знакома с молодым инженером-путейцем Владимиром Кандауровым, только что окончившим институт. Он стал им лучшим другом и поддержкой в трудное время. Вскоре Катя и Владимир сыграли скромную свадьбу, через год родился их сын Митя. На пять лет Кандауровы стали семьей Викентию – до того времени, пока он сам не женился. Его сыну Саше не было еще и двух лет, племяннику Мите исполнилось восемь, когда случилась трагедия... В то лето Владимир уехал в Крым, на строительство железной дороги через Байдарский перевал. Приболел там, и Катя, оставив сынишку у Викентия и Людмилы, поехала к мужу. Когда с гор сошла лавина и накрыла поселок строителей, Владимир и Катя погибли вместе со многими другими людьми. А Митя остался жить в семье Петрусенко как старший сын...

Поезд по дуге огибал гряды скал. На одной вершине мед-

ленно открывался тот самый замок, который они накануне разглядывали со смотровой площадки. Викентий Павлович услышал, как Люся спросила:

– Скажи, Лиза, в самом ли деле владелица замка Альтеринг заслужила свое прозвание – Кровавая? Или это только легенды?

Эльза покачала головой:

– Нет, не легенды, хотя, конечно, местные жители уже и сами напридумывали много ужасных подробностей. Но графиня Альтеринг и правда была чудовищем... Я интересовалась, читала о ней. Специально... Ведь она – наш предок.

– Вот как? – Викентий Павлович с нескрываемым удивлением посмотрел на девушку. – Значит, вы – из рода графов Альтеринг?

Эльза покачала головой.

– Мы боковая ветвь, прямых наследников у Кровавой Эльзы не было.

– Несмотря на ее страшное прозвище, вы, наверное, все-таки ею гордитесь?

Девушка грустно улыбнулась.

– Гордиться нечем. Но если вы имеете в виду то, что меня тоже зовут Эльза... что ж, тут вы правы. Это наше родовое имя.

– Имя очень красивое! – энергично вмешалась Людмила. – Какой смысл отказываться от имени из-за плохого человека, когда-то носившего его!.. Лизонька, расскажи нам о

графине, ведь толком мы о ней не знаем.

– Хорошо. – Эльза глянула в окно. – Мы скоро приедем, я успею рассказать, но без ужасных подробностей...

Графиня Эльза Альтеринг происходила из древней княжеской династии Гогенштауфенов. К этому роду принадлежали и правители Германии, и князья католической церкви. Многие из них отличались неуравновешенностью и жестокостью.

Эльза Альтеринг родилась в середине шестнадцатого века. Ее отец практически царствовал на землях Баденского маркграфства и Вюртембергского герцогства.

Маленькая Эльза с детства отличалась от других детей – и внешностью, и повадками. У нее была необыкновенно белая кожа, которой природа наделяет обычно светловолосых или рыжих людей. Но густые черные волосы Эльзы отливали непроницаемой синевой, а глубоко сидящие глаза с немигающими зрачками были черны, как ночь. И именно с наступлением ночи они загорались необыкновенным светом, а сама девочка становилась не просто оживленной, а сильно возбужденной. Ведь днем часто она бывала вялой, полусонной, апатичной... У нее были подруги – двенадцать девочек, которых она отбирала сама. С наступлением ночи во главе с Эльзой они садились на коней и уезжали в поля, в леса – до утра. В окрестностях ходили упорные слухи, что все тринадцать – и особенно сама княжна, – колдуньи: устраивают шабаши, занимаются черной магией, посещают кладбища...

Чтобы все это прекратить, родители, как только Эльзе исполнилось шестнадцать лет, отдали ее замуж. Но через год, за очень короткий промежуток времени, умерли от непонятной и таинственной болезни один за другим отец, мать и муж Эльзы. Она стала владетельной графиней Альтеринг.

Как и многие из ее предков, графиня Эльза страдала частыми тяжелыми мигренями. Лучше всяких лекарств помогало ей средство, которое она изобрела сама: только что убитую птицу, разрезанную пополам и выпотрошенную, еще теплой ей клали на лоб. Но это было лишь началом. Скоро она лечилась уже другим способом: чувствуя приближение сильнейшего приступа головной боли, она звала служанку, начинала ругать ее за что-нибудь, распалялась до звериной злобы и откусывала у почти загипнотизированной до шока девушки ухо, палец или просто кусок тела. Урча, слизывала горячую кровь и чувствовала, что боль уходит...

Между тем графиня Альтеринг была очень красива, умна, образованна. Она много читала, хорошо рисовала и сочиняла музыку. Время от времени она выезжала в свет, появлялась на балах и приемах, вводя многих в недоумение: нет, не может быть, чтоб эта красивая, воспитанная, веселая молодая женщина была тем чудовищем, о котором ходят столь страшные слухи! В нее влюблялись мужчины, и то, что потом с каждым из них случалось какое-либо несчастье, далеко не сразу людская молва стала связывать с колдуньей-графиней. Подобные появления в свете позволили графине долгое

время скрывать свои жестокие забавы.

А забавы эти с годами становились все страшнее. Эльза Альтеринг уверилась, что сможет жить вечно. Но годы шли, она начинала стареть. В древних книгах по черной магии она вычитала рецепт омоложения и сохранения красоты: необходимо было регулярно омываться в ванне, наполненной кровью девственниц. И она стала это делать. Ее верные, специально отобранные слуги раз в неделю отправлялись на «отлов» молодых девушек, почти девочек, для очередной ванны. Но оставаться молодой и красивой – это еще не все. Был у графини Эльзы и рецепт бессмертия: для него нужны были нерожденные младенцы, вырезанные прямо из чрева беременных женщин... По владениям Альтерингов словно шла чума, люди жили в животном страхе за себя, своих жен и дочерей. Беременные женщины, как могли, скрывали свое будущее материнство, уходили жить в леса, прятались в тайные схроны. То же самое делали и девушки... Нет, ничего не помогало – дьявольским чутьем по их следу шли жестокие посыльные Кровавой графини Эльзы! И лишь много лет спустя, когда богатый и плодородный край почти обезлюдел, а слухи о Кровавой Эльзе, прорвав плотину неверия, хлынули по всей стране, власть – светская и духовная – ужаснулась. Король и церковь назначили над графиней суд.

В то время Германию постоянно потрясали религиозные войны – католическая церковь боролась с Реформацией. И все деяния графини Альтеринг были названы сатанинскими

кознями еретиков-реформаторов. Курфюрст юго-западных земель Германии, который самолично вел многодневный суд над графиней, с ужасом смотрел на нее, а однажды даже был вынужден покинуть зал – ему стало плохо во время рассказа свидетеля ее забав. Но и курфюрст не мог не отдать должное красоте этой уже пятидесятилетней женщины и магическому взгляду ее немигающих глаз...

– Вот здесь, в этом замке, – Эльза указала на скалу с развалинами, которую поезд почти уже миновал, – графиню Альтеринг, по решению суда, навечно замуровали в одной из комнат. Даже дверь была снята и заложена наглухо камнями. Оставили только маленькое окошечко, через которое она получала еду и воду. Так она прожила несколько лет, точно я не знаю, но недолго... Страшная жизнь и страшная смерть!

– Конечно, эта женщина была преступницей, но даже все ее преступления не оправдывают иезуитскую охоту на ведьм – сколько было тогда жестокости и мракобесия!

– Слава богу, мы живем в цивилизованное время!

Люся воскликнула это вроде бы серьезно, но Викентий все же уловил легкую иронию в голосе жены. Кивнул головой:

– Верно, нынче время великого подъема науки. Однако глубины человеческой психики – все еще тайна. И сейчас бывает всякое...

Он хотел добавить, что кому, как не ему, знать о преступлениях нынешнего времени, но вовремя одернул себя: он ведь аптекарь! Усмехнулся: все время забывает об этом –

вот что значит расслабиться, отдыхать! Иногда он даже жалел, что придумал себе другую профессию, но ведь не признаваться же теперь? Неудобно как-то... А чтобы успокоить Эльзу, он добавил весело:

– Однако научно уже доказано, что проклятия по наследству не передаются!

Девушка тоже улыбнулась:

– Моя мама тоже это утверждает. И назвала меня Эльзой не только потому, что имя ей нравилось, но и специально – опровергнуть, что ли...

– Видите, мы с ней единомышленники! Науке надо верить.

Но Эльза покачала головой:

– Вряд ли подобные вещи подвластны науке. Наш род всегда ощущал это проклятие – пусть даже малую частицу, но все же отравленной крови.

– И в чем же это выражается теперь, в вашей семье? – Петрусенко, склонив голову набок, с любопытством рассматривал Эльзу. – На мой взгляд, вы спокойные, интеллигентные люди. Я бы даже сказал – слишком интеллигентные... по отношению к некоторым господам!

– Вы, наверное, правы, Викентий Павлович. И все же... есть в нашей семье тайна – плохая, позорная... Ой, мы уже подъезжаем!

Эльза слишком оживленно вскочила с места. Петрусенко понял, что она досадует на себя за излишнюю откровен-

ность. Он тут же подхватил на руки Катюшу, стал показывать ей в окно дома Карлсруэ. Поезд тормозил на вокзальном перроне, все заторопились к выходу. Через пять минут Эльза уже была совершенно убеждена, что ее последним фразам никто не придал значения, о них просто позабыли. Но это было не так: Петрусенко хорошо их запомнил. И, незаметно поглядывая на девушку, он думал: «Семейная тайна... Какое-то позорное проклятие... Не о нем ли стало известно пройдохе Лапидарову? Не им ли он шантажирует этих славных людей?»

Под аэродром было оборудовано большое поле на западной окраине Карлсруэ. Когда коляска с семьей Петрусенко и Эльзой подкатила к нему, за легким штaketником, вокруг поля, уже собралось много людей. А к импровизированной входной арке один за другим подъезжали экипажи, высаживая все новую и новую публику. К прибывшим тут же подсказывали юркие билетеры.

На поле высились несколько шестов с яркими флагами и стояли два аэроплана. Сразу бросалось в глаза: один массивнее, с двумя пропеллерами, другой – одновинтовой, по виду какой-то хрупко-ажурный, из тонких фанерных реечек, на четырех небольших, словно игрушечных колесах. Кресло пилота, рычаги и руль располагались между верхними и нижними крыльями и были полностью открыты.

Викентий Павлович нес Катюшу на руках, и девочка, как только увидела аэропланы, закричала:

– Папа, я вижу деревянных птиц! Когда они полетят?

– Скоро, малышка, – ответил он. – Вот придут люди, сядут на них...

– Да, я знаю, их зовут летуны!

Все засмеялись. Петрусенко спросил Эльзу:

– Вы, как знаток аэронавтики, должны сразу определить: где чей аэроплан?

Девушка, не отрывая глаз от поля, на котором как раз появились две фигуры в кожаных куртках, быстро сказала:

– Тот, который с одним винтом, это «ЕР» – летательный аппарат Ермошина.

– Восхищен! – Петрусенко и в самом деле искренне порадовался. – А вот и сам Сергей. Узнаете?

– Узнаю... – тихо сказала Эльза.

...Ей было четырнадцать лет, когда она впервые увидела в газете фотографию Сергея Ермошина и прочитала о знаменитом российском велогонщике. Лютцы жили тогда в городке Белая Церковь недалеко от Киева, отец выписывал «Киевские городские ведомости». Лиза, к удивлению отца, стала рьяной читательницей газет, первая просматривала «Ведомости», стала покупать в киоске журнал «Русский спортивный клуб». А через полгода, летом, увидела объявление о том, что в Киеве состоится велопробег с участием чемпионов Одессы, Ростова-на-Дону, Киева и других городов. Сергей Ермошин, носивший к тому времени звание чемпиона России, был в этих соревнованиях звездой первой величины... Лиза потеряла покой! Она должна была побывать на этих соревнованиях, увидеть своего героя! Но как объяснить это странное желание матери и отцу? Они просто отмахнутся, как от безделицы и глупости. А свою романтическую любовь она от всех скрывала. И девочка впервые в жизни обманула родителей: сказала, что подружка Маша Фрайерберг приглашает поехать с ней и ее родителями в Киев на день

рождения кузины. Это была не совсем ложь: Маша с родителями и правда ехали в Киев за день до соревнований. Но Лизу они с собой не приглашали. Она сама попросилась поехать с ними, сказав, что ей нужно в Киев к тете, а родители одну не отпускают... На вокзале в Киеве Машины родители сели в экипаж и предложили Лизе довезти ее к тете. Никакой тети, конечно же, в Киеве у девочки не было, и она торопливо отказалась.

– Здесь совсем недалеко, я хорошо знаю дорогу!

Фрайерберги уехали, а она пошла бродить по городу. Впервые Лиза очутилась в большом городе одна. Но она бывала раньше в Киеве с родителями, и у нее были деньги – мама с папой дали на подарок имениннице и на обратную дорогу. Афишные тумбы города были обклеены объявлениями о завтрашних состязаниях, там же говорилось, что проходить они будут на ипподроме, указывалось, как проехать... День был хороший, теплый, девочка с удовольствием гуляла по улицам и днепровской набережной, отдыхала в зеленых скверах. Два раза она перекусила в бубличных, потому что зайти в трактир постеснялась.

Когда она последний раз приезжала в Киев с отцом, они останавливались в недорогом гостинином дворе на Андреевском спуске. Туда Лиза и пришла уже вечером. Не стесняясь – за этот день она почувствовала себя самостоятельной и уверенной, – она объяснила дежурному, что приехала поступать ученицей в училище белошвеек, но уже поздно, в

училище она пойдет завтра, а сегодня переночует здесь. Ей за двадцать копеек предоставили койку в комнате для восьми человек, и уставшая, полная впечатлений и совершенно счастливая девочка прекрасно выспалась за ночь. В десять часов утра она была уже на городском ипподроме. Купила входной билет без места, но в месте она и не нуждалась. Наоборот – она постаралась как можно ближе продвинуться к барьеру, огораживающему поле, превращенное в велодром. И ей это почти удалось: лишь один ряд людей оставался между ней и барьером.

Первыми соревновались спортсмены менее именитые. Их тоже поддерживали криками, но чувствовалось, что все ожидают сражения чемпионов. И вот наконец пять велосипедистов стали у стартовой черты. Раздался протяжный удар гонга, и буквально через минуту, со свистом рассекая воздух, пять машин, как пять молний, чиркнули мимо. И в тот же момент Лиза поняла, что она так ничего и не увидит! Сердце у нее забилося сильно-сильно. Нет, она не подумала о том, что обманула родителей, что провела целый день одна в чужом городе и – подумать только! – ночевала в гостинице сама, как взрослая! Обо всем этом Лиза даже не вспомнила – только жестокая досада, что она так и не увидит Еρμοшина, ведь он вот же, рядом! От этой мысли она враз забыла всю свою застенчивость, воспитанность и скромность. Локтями, плечами, всем телом она стала проталкиваться к барьеру. Кто-то вскрикнул, кто-то возмутился, кто-то хотел ее оттес-

нить... Но она уже намертво схватила пальцами за железный прут барьера и в тот же миг увидела, как пять велосипедов завершили поворот и вышли на прямую, ведущую прямо к ней! Желтые узкие шины велосипеда Ермошина мелькнули, казалось, прямо у нее перед глазами, Лиза увидела напряженное, гибкое, прильнувшее к рулю тело, сосредоточенный профиль, ноги, бешено вращающие педали...

Еще пять раз Ермошин проносился мимо так близко, что, казалось, до него можно дотянуться рукой. Но вот оркестр, до этого игравший медленный вальс, перешел на марш, а потом совсем на бешеный галоп: спортсмены пошли на последний, финишный круг. Вот теперь-то и началась настоящая гонка! Вокруг люди размахивали шляпами, газетами, кричали: «Жми, жми, сильнее, обгоняй!..», называли имена своих кумиров. Многие кричали: «Ермошин! Серега!» Лиза, забыв обо всем, вместе со всеми кричала: «Ермошин!», а один раз крикнула: «Сережа!» И голова при этом закружилась у нее так сильно, что она чуть не упала.

Ермошин пришел к финишу первым. Пока там, на финише, его обнимали какие-то люди, поздравляли, подбрасывали вверх, Лиза уже вновь продиралась сквозь толпу. На этот раз – в сторону бокового коридора, ведущего в здание ипподрома. Там располагались душевые комнаты, раздевалки, ресторан. Девочка сразу подумала о том, что спортсмены должны скоро пойти туда. Если она сумеет оказаться именно у того барьера, Сергей Ермошин пройдет рядом с ней!

Все так и случилось. Переговариваясь, спортсмены шли по узкому проходу ко входу в здание. Спортивные трико прилипли к потным телам, но на запыленных лицах блестели молодые глаза и белозубые улыбки. Через барьер к ним тянулись руки, и ребята мимоходом кивали, пожимали... Вдруг Сергей Ермошин увидел девочку: она влезла ногами на нижнюю перекладину барьера и смотрела на него. Руки она не протягивала, но смотрела так необыкновенно... С восторгом? Да, именно, но и еще что-то было в этом взгляде. На скулах у нее пламенели пятна, светлые растрепанные волосы крупными кольцами обвивали лоб и щеки. «Фея!» – мелькнуло в уме у Ермошина. Подросток, но скорее ребенок, чем девушка. Сам он, конечно, был уже взрослым человеком – двадцать два года... Сергей на несколько секунд приостановился и подмигнул девочке. А потом сдернул с головы спортивную легкую шапочку с козырьком – типа жокейной, – шагнул к барьеру и надел на разметавшиеся кудри. Махнул рукой и побежал догонять товарищей.

Уже служащие ипподрома прокатали мимо велосипеды спортсменов, уже толпа отхлынула, спеша к выходу, а Лиза все еще стояла, вцепившись пальцами в барьер, в желто-оранжевой шапочке Сергея Ермошина. Но вот она спрыгнула на землю, сорвала с себя шапочку и прижала ее к груди. Никогда в своей жизни девочка не была так невероятно счастлива, как в те минуты! И в те часы, и весь тот день. Вечером она была уже дома, в Белой Церкви. Ей очень повез-

ло: в поезде она вновь встретилась с Фрайербергами, вот и получилось, что приехала, как и уехала, вместе с ними. Поэтому она даже не испытывала больших угрызений совести, ведь обмана почти что и не было!

Вот так Эльза видела Сергея Ермошина первый раз в своей жизни. Сейчас, через десять лет, она видит его второй раз. Аэроплан немецкого летчика Даммлера уже кружил над аэродромом, вся публика смотрела вверх – на то, как умело воздухоплаватель делает развороты и рискованные выражи. Эльза же почти не видела этого, потому что там, на летном поле, около второго аэроплана, ходил человек в кожаной черной куртке, со светлыми волосами, еще не спрятанными под шлем. Он был далеко, но Эльзе казалось – она узнает его, различает даже черты лица! Что с того, что она видела его один раз? Последние десять лет ее жизни он, Сергей Ермошин, незримо был рядом с ней.

Еще дома, в Белой Церкви, Лиза стала вырезать из газет и журналов все публикации о Сергее Ермошине. А там, где речь шла о спорте, часто упоминалось и о нем. Еще года два спортсмен ставил скоростные рекорды, а потом внезапно бросил велосипед и увлекся воздухоплаванием. Он стал летать на воздушных шарах! Это было совершенно новое и необычное занятие. Даже автомобиль в больших городах был исключительной редкостью, а в Белой Церкви его и не видели. А тут – человек летает по воздуху! Как можно такое представить?.. На размытых и бледных фотографиче-

ских изображениях в газетах можно было все-таки разглядеть летящий объект, больше похожий на грушу, чем на шар. Под ним висела корзина-сетка, а в ней – крошечная фигурка человека. У Лизы замирало сердце – этой фигуркой был Он, самый отважный на свете человек! Как хотелось ей увидеть полет воздушного шара, но не довелось. Впрочем, вскоре Сергей Ермошин пересел на другой летательный аппарат – на аэроплан. Но в это время семья Лютцев, неожиданно получив наследство в Баден-Бадене, переехала в Германию. И однажды уже здесь, испытывая острую тоску по оставленной Родине, Эльза рассказала маме о своем давнем проступке – тайной поездке в Киев. Рассказала и показала все свои вырезки о Сергее Ермошине. Она была уже взрослой девушкой и с иронией говорила о своем кумире, о своей влюбленности. А поскольку секрета в том уже не было, она повесила у себя в комнате один очень хороший портрет Ермошина, вырезанный из журнала...

Аэроплан фон Даммлера побежал по полю и остановился в дальнем его конце. Два человека стали раскручивать винт на «ЕРе», потом отбежали, а аэроплан, казавшийся таким хрупким, бодро помчался на своих четырех маленьких колесах, два раза подпрыгнул и под крики и овацию публики поднялся в воздух. Что он только не выделял, кружась над полем и восхищенными людьми! Ложился то на одно, то на другое крыло, низко проносился над полем и вдруг, задрыв нос почти вертикально, уходил в небо! С какой легкостью

его аэроплан совершал рискованные крены на виражах!

– Нет, Люсенька! – Викентий Павлович обернулся к жене, глаза его горели. – Этот парень не просто смелый авиатор, он талантливый конструктор! Ведь этот аэроплан он сам спроектировал, и видишь, какая у него легкость в маневрах? Куда до него немцу!

– Это все видят!

Люся была права: стадион ревел от восторга, в воздух летели шляпы. Викентий Павлович незаметно посмотрел на Эльзу. Девушка стояла, сжав перед грудью ладони, из ее приоткрытых губ не вырывалось ни звука, но она тяжело дышала, а глаза горели восторгом и счастьем.

«Вот, значит, как!.. – удивленно подумал Викентий Павлович. – Однако... *Vitam regit fortuna*. Жизнью управляет судьба... Не сыграть ли мне роль судьбы?»

Оба аэроплана уже стояли на земле. Но они готовились к одновременному взлету. Вот им запустили моторы, машины покатили по полю, почти синхронно оторвались от земли и по дугам стали расходиться в стороны, набирая высоту. Это было такое захватывающее и красивое зрелище, что далеко не сразу зрители увидели нечто необычное на самолете русского пилота. Сначала то в одном, то в другом месте раздались редкие вскрики, но вдруг, словно в одно мгновение, ахнули разом все. На одном из колес аэроплана «ЕР» висел, вцепившись руками и ногами, человек! Ни Викентий Павлович, ни Люся, ни, по-видимому, большинство из публи-

ки не заметили, как все произошло. Но Петрусенко догадался: один из тех механиков, кто раскручивал винт аэроплана, замешкался, отбегая, не успел увернуться от катящегося на него колеса, но успел прыгнуть и повиснуть на нем...

Самолет Ермошина, набирая высоту, стал сильно крениться, пошел неровными толчками. Ермошин глянул вниз и увидел «пассажира» на колесе. Увидел его и фон Даммлер из своей кабины. Он замахал руками, а потом, развернув свою машину, повел ее к аппарату Ермошина. Вся толпа на летном поле одновременно ахнула, когда немец прошел очень близко под колесами русского самолета. Люся вцепилась в рукав мужа:

– Боже мой! Чего он хочет?

– Он пробует снять того беднягу на свое крыло, – ответил Викентий, не отрывая взгляда от разыгрывающейся в небе драмы. – О, нет! Слишком рискованно!

Ермошин пытался выровнять свой аэроплан, но тот, сильно утяжеленный на одну сторону, шел рывками. В этот момент он как раз дернулся вниз и чуть не ударил по крыльям немца. Фон Даммлер резко отвернул и ушел в сторону. Все видели, как он отчаянно махнул рукой и направил машину на посадку.

– Смелый парень, – взволнованно сказал Петрусенко. – Но у него бы и не получилось помочь. Так что правильно он сделал: освободил воздушное пространство Ермошину для маневра.

Рядом кто-то сказал по-немецки:

– Как же русский сядет? Он ведь убьет этого парня и сам разобьется!

Другой, господин в котелке, ответил, спокойно пожав плечами:

– Сам он может прыгнуть с парашютом.

Эльза резко обернулась к говорившим:

– Нет, он этого не сделает! Он не бросит человека погибать!

– Тогда погибнут оба, – пожал плечами незнакомец. – Глупо...

Девушка была бледна, но на скулах полыхали лихорадочные пятна. Она лишь на мгновение отвела глаза от неба, но теперь вновь смотрела туда, сцепив зубы, стараясь не думать о только что услышанных жестоких словах. Вдруг Петрусенко решительно протянул Катюшу Люсе:

– Возьми. Стойте на месте.

И быстро пошел, лавируя между людьми, в ту сторону, где был проход на поле. Ни секунды не раздумывая, Эльза пошла за ним, хотя толком и не поняла, что же собирается делать Викентий Павлович. Они шли, но смотрели вверх, в небо. А там между тем происходило что-то невероятное. Авиатор лихорадочно привязывал какими-то ремнями руль к креслу. Время от времени он наклонялся и кричал что-то человеку, висевшему на колесе. Наверное, просил его держаться крепче, обещал помощь. Но что же он мог сделать?

Но вот Ермошин соскользнул с кресла на нижнее крыло, отпустил руль и замер. Толпа внизу очередной раз ахнула: аэроплан летел сам, описывая плавный круг над летным полем. Но в то же время он заметно кренился и медленно терял высоту... Пилот стоял неподвижно лишь несколько секунд: убедившись, что аппарат держится в воздухе, он больше не стал терять драгоценного времени. Стал на колени, продвинулся к краю крыла и свесился вниз. Только тут люди увидели, что одна его нога за лодыжку тоже привязана ремнем к пилотскому креслу... Ермошин протянул руку вниз, к своему невольному «пассажиру». Но тот все так же оставался неподвижен, намертво обхватив колесо. Было видно, что летчик кричит ему, а самолет клонится набок все сильнее. И тут, в едином порыве, стоящие вокруг поля люди стали кричать:

– Дай руку! Дай руку!

Словно подчиняясь мощному импульсу, идущему с земли, перепуганный человек наконец-то отпустил одну руку и поднял ее вверх. Но он немного не дотягивался до пилота. Тогда Ермошин, натянув ремень до предела, почти полностью свесился с крыла и вдруг, резко подавшись вниз, схватил тянущуюся к нему руку. Крикнул что-то, и механик протянул ему вторую руку. Несколько мгновений они почти висели в воздухе, в эти же мгновения на земле тоже все затаили дыхание. Викентий Павлович и Эльза, бывшие уже недалеко от входа на летное поле, тоже застыли на месте. Они увиде-

ли, как Сергей Ермошин огромным усилием отбросил свое тело на крыло, упал на спину, перекатился, втягивая за собой второго человека. Одним движением отстегнул ремень со своей ноги и захлестнул его на поясе спасенного. А потом рванулся в кресло, схватил руль и вывел аэроплан из опаснейшего крена, выровнял его и пошел на посадку.

Что творилось с публикой, описать невозможно! Петрусенко и Эльза с огромным трудом пробивались несколько метров до входа на поле. Викентий Павлович быстро подошел к полицейскому обер-офицеру, протянул ему свои документы.

– Я ваш коллега, – сказал взволнованно. – Служащий российского полицейского департамента. И я – давний друг этого пилота, Сергея Ермошина. Надеюсь, вы позволите мне пройти к нему.

Офицер быстро просмотрел бумаги Петрусенко, оформленные на немецком языке, козырнул:

– Проходите.

Викентий Павлович оглянулся на Эльзу, стоящую в стороне и не сводящую с него глаз. Она по жесту офицера поняла, что разрешение получено, и непроизвольно рванулась вперед.

– Девушка со мной, – уверенно сказал Викентий Павлович, и офицер посторонился. Они побежали через поле к аэроплану, уже замедляющему свой бег по земле. Вот он остановился, Ермошин поднялся с кресла, шагнул к ле-

жащему на крыле человеку, похлопал его по плечу. Потом необычно осторожно сошел на землю, сделал несколько странных шагов и вдруг упал.

С другого конца поля, от небольшого служебного помещения, бежали к русскому несколько человек, спешил к нему и Даммлер от своей машины. Но Петрусенко и Эльза уже были около него. Викентий Павлович быстро снял с головы Сергея шлем, расстегнул куртку. Летчик глубоко дышал. Викентий Павлович кивнул успокоенно:

– Физическое напряжение, сильное волнение, резкая смена высоты... Сейчас он придет в себя.

В это мгновение Ермошин открыл глаза. Первое, что он увидел, – лицо склонившейся над ним девушки. Нежное, взволнованное, оно показалось ему прекрасным. Он улыбнулся и пробормотал по-немецки:

– Лорелея... Не исчезай, пожалуйста, не убирай руки!

Эльза не убрала ладонь, которой поддерживала его затылок. От его голоса и улыбки у нее мгновенно отлегло от сердца, стало весело.

– Я не исчезну, не надейтесь, – ответила она ему по-русски. – И в пучину вас тоже не заманю!

– О! – Ермошин приподнялся на локте. – Это не Лорелея, оказывается, а сестрица Аленушка!

Эльза засмеялась. Они перебросились всего двумя фразами, но она уже поняла, что с этим человеком ей так легко и просто, словно знает его всю жизнь. Да ведь так оно и есть!

– Вижу, с тобой все в порядке!

Ермошин повернул голову на знакомый голос, воскликнул с радостным удивлением:

– Викентий Павлович! Просто чудеса! Вы-то здесь каким ветром?

– Все я тебе, Сережа, расскажу, еще успею. А теперь тобой займется доктор.

В этот момент подбежали другие люди, и среди них врач. Но Ермошин, уже сидевший на траве, тут же быстро заговорил:

– Со мной все в порядке, идите скорее к нему! – И махнул рукой в сторону самолета. Там все еще лежал неподвижно невольный воздухоплаватель. – Он жив и не травмирован, но в сильном шоке, ему нужна помощь, а не мне.

Он поднялся, опираясь на руку Петрусенко, сделал шаг и вдруг охнул, едва удержавшись на ногах. Лицо его исказилось от боли, но, поймав испуганный взгляд Эльзы, он попытался улыбнуться:

– Это ерунда: вывих или растянул связки. Не пугайтесь, милая Лорелея-Аленушка, и не оставляйте меня. Викентий Павлович, не дайте девушке исчезнуть!

Подбежал фон Даммлер, подставил Ермошину плечо. С другой стороны пилот опирался на Петрусенко.

– Меня зовут Эльза Лютц, – быстро сказала девушка. – Я не исчезну, а поеду с вами к врачу. У Викентия Павловича здесь жена и дочка, вы с ним увидите позже.

– Поезжайте, Лиза, – сказал Петрусенко. – И поговорите с доктором: возможно, Сергею понадобится лечение водами.

– Я тоже подумала об этом, – улыбнулась Эльза.

Ермошин, слушавший их быстрый разговор, засмеялся:

– А ведь я правильно угадал: вы именно Лорелея – вот уже и в водоворот меня заманиваете!

Часто бывает, что человек после дачного сезона или поездки на отдых к морю жалуется друзьям: «Скучал невероятно!...» У Викентия Павловича подобные разговоры всегда вызвали улыбку. Ему скучно не бывало никогда. Может быть, потому, что так устроен его ум: все происходящее вокруг – интересно. И во всем всегда можно найти необычное, потому что везде есть люди, а взаимоотношения людей – самая таинственная вещь на свете. Ну а уж здесь, в Баден-Бадене, необычных людей хватало!

Викентий, Людмила и Катюша с удовольствием выходили в город после обеда и гуляли до ужина. Именно в эти часы улицы городка, кафе и скверы заполнялись курортниками. Начинали работать курзалы, играли духовые оркестры и маленькие музыкальные группы из скрипачей, аккордеонистов и гитаристов, сновали тележки мороженщиков, продавцов воды и сладостей... Круговорот лиц и нарядов! Иногда это были национальные одежды – шотландские юбки, турецкие чалмы или черногорские плащи, иногда просто что-то экстравагантное, экстрамодное.

Отличительной чертой Баден-Бадена было то, что извозчиков здесь не особенно жаловали, в городе все ходили пешком. В кургаузах доктора прописывали всем курортникам непереносимые «променады» после принятия лечебных вод –

для интенсивного обмена веществ. И народ гулял: по центральной улице, по городскому парку с многочисленными аллеями, дорожками и зелеными газонами. Катюше очень нравились эти прогулки – столько интересного было вокруг! Викентий и Люся развлекались тем, что ловили обрывки разговоров идущих мимо и навстречу людей и угадывали – на каком языке говорят.

– Это, конечно же, какой-то славянский, по-моему, чешский, – сказала тихо Люся, чтоб ее не услышали двое мужчин, стоящих недалеко.

– Чешский мне приходилось слышать, нет, это не он, – не согласился Викентий, – скорее македонский.

– Ну а это испанский! Точно! – радостно воскликнула Люся, когда мимо прошла шумная группа молодых людей. – А вообще-то я теперь хорошо представляю, что такое Вавилонское столпотворение!

К ним подошел, приветливо здороваясь, московский адвокат, с которым они познакомились здесь. В руках у него была большая керамическая кружка с носиком, как у чайника. Такими кружками бойко торговали в небольших магазинчиках города, курортники покупали их – считалось очень удобно пить минеральные воды именно из этих кружек. Адвокат тоже потягивал из носика водичку.

– Читали, Викентий Павлович, сегодняшние газеты? – спросил он, явно имея в виду отечественную прессу. – Столыпин и Кривошеин все еще ездят по Сибири.

– Сибирь велика, – пожал плечами Петрусенко, думая отделаться этой фразой. Он прекрасно знал, с каким вдохновением русский человек, оказавшийся за границей, обсуждает российскую политику. Вот и теперь адвокату явно хотелось поговорить о планах переселения крестьян в Сибирь, об усилении русского влияния в Азии... Но Люся невольно выручила мужа, вдруг изумленно воскликнув:

– Бог мой, это что за явление?

По аллее, лавируя между гуляющей публикой, катилась коляска – сверкающее хромированными деталями, на рессорных больших колесах чудо техники. Ее, держась за специальные ручки, с невозмутимым видом толкал перед собой крепкий лакей. В коляске гордо восседала дама, молодая и, вероятно, красивая, однако по-настоящему оценить ее внешность мешали и надменно застывшее лицо, и полупрозрачная короткая вуалетка.

– Вы не знаете? – тут же подхватил адвокат, обрадованный возможностью первым сообщить новость. – Это леди Оуррэн, жена английского пэра. Она прибыла позавчера, муж привез ее и тут же отбыл в Лондон – он не может пропускать заседания в палате лордов.

– Она инвалид? – спросила Люся, сочувственно глядя вслед удаляющейся коляске. В Баден-Бадене нередко можно было видеть людей с парализованными ногами, которых родственники возили в колясках. Но адвокат состроил уморительную гримасу, качая головой:

– Нет-нет! Она просто в интересном положении.

– Но зачем же тогда ездить в коляске? – удивилась Людмила. – Наоборот, полезно побольше двигаться!

– У нас тут говорят... – Адвокат сделал неопределенный жест, и Петрусенко понял, что он имел в виду: слухи, болтовня, даже просто сплетни, которые пропитывали атмосферу курортного городка. – Говорят, лорд Оуррэн уже отчаялся заполучить наследника, а тут вдруг такое счастье! Врачи рекомендовали леди беречь плод и употреблять лечебные воды. Вот она и бережется, заставляет возить себя в коляске, чтобы младенец созрел в полном покое.

Раскланявшись с адвокатом, Викентий Павлович подхватил жену под руку.

– Ты права, Люсенька! Это и правда похоже на Вавилонское столпотворение!

Они уже неделю отдыхали здесь и, выходя в город, постоянно знакомились с соотечественниками. Узнавая, что Петрусенко живут в пансионе да еще занимают втроем две комнаты, многие им откровенно завидовали. Большинство жили в тесных комнатухах, в которых, по сути, только ночевали. Столовались в больших, шумных общественных табльдотах, чтобы принять ванны, выстаивали очереди. Условия пансионата «Целебные воды» казались просто сказочными. Викентий Павлович однажды попытался представить, как выглядит Баден-Баден зимой. Наверное, улицы, заметенные снегом, днем почти безлюдны, растворилась, исчезла целая ар-

мий извозчиков, носильщиков, посыльных, кельнеров. Городок погружается как бы в спячку, чтобы с весенним теплом очнуться, встряхнуться, загудеть, заговорить на всех языках...

В столовой, за ужином, было оживленно и весело. Эта особая атмосфера царила здесь последние три дня – с появлением в пансионате Сергея Ермошина. Авиатор и в самом деле очень сильно растянул связки, ходьба давалась ему с трудом, а уж о полетах речи вообще не шло.

– Странно было бы не воспользоваться тем, что вы – на знаменитом шварцвальдском курорте! Здешние термальные воды быстро поставят вас на ноги, – сказал ему врач.

Таким образом русский авиатор оказался в пансионате. За табльдотом он сразу же сел рядом с Эльзой, и его присутствие подействовало на девушку как прикосновение волшебной палочки. Снегурочка оттаяла: превратилась в раскованную, веселую и счастливую девушку.

Сергей сразу понравился всем Лютцам. Впрочем, иначе и быть не могло. Родители и брат давно знали об увлечении Эльзы не столько авиацией, сколько одним-единственным авиатором. Появление этого авиатора в их доме восприняли радостно. Анастасия Алексеевна даже шепнула Людмиле:

– Это просто чудо! И, Люсенька, мне кажется... Лиза понравилась этому молодому человеку! Для нее это было бы счастьем...

Эрих, знакомясь и пожимая руку Ермошину, покрутил

восторженно головой:

– Ну и сестрица у меня! Всегда умела своего добиваться!

Сергей не совсем понял его, но Эльза в тот же вечер все ему объяснила сама. В правом крыле дома, в котором жили сами Лютцы, Ермошину уступили кабинет Людвига Августовича. Эльза принесла ему постельное белье, а потом вышла с ним на веранду. Это была та часть веранды, на которую выходили комнаты хозяев, другие постояльцы сюда не заходили. Здесь стояли плетеные столики и кресла, уютно светились две газовые лампы. Сергей сел, вытянув больную ногу, улыбнулся:

– Признаюсь, ваша термальная ванна замечательна! Думаю, она меня быстро излечит. Да вот только захочу ли я вас так быстро покинуть, а, Лизонька? Почему мне так хорошо с вами? Легко! Может, мы в какой-то прошлой жизни уже встречались и были близкими людьми?

– Почему же в прошлой? – Лиза смотрела на Сергея и понимала, что сейчас все ему расскажет. Но ни страха, ни смущения не испытывала. Ей тоже было легко и радостно. – Мы встречались с вами в этой жизни.

– Разве? Я не помню... – Он искренне удивился. – Нет, не мог бы я вас забыть!

– Сейчас вспомните! Одну минутку!

Она вскочила и быстро пошла, почти побежала в свою комнату. Через пять минут она вновь вышла на веранду, но остановилась у распахнутых дверей, над которыми свети-

ла лампа. На голове девушки была надета желто-оранжевая спортивная шапочка. Светлые кудри, серые глаза...

– Постой, постой... Что-то было – давно... В Киеве? Я еще ездил на велосипеде!

Он встал, не обратив внимание на боль в ноге, резко шагнул, но тут же покачнулся. Эльза мгновенно оказалась рядом, обхватила его. И Сергей положил ей руки на плечи – сначала, чтобы удержаться, но потом обнял...

– Ты была совсем девочкой. Очень хорошенькой!

– А ты подмигнул мне!

– А ты сохранила мою кепку! Значит, помнила обо мне?

Они и сами не заметили, как перешли на «ты» – легко, естественно. Эльзе хотелось стоять, не двигаясь... Но она отстранилась, взяла Ермошина за руку.

– Пойдем, я еще что-то покажу тебе.

Конечно, Эльза знала, что от мужчины нужно скрывать, насколько он любим, дорог, насколько сильно о нем думают, мечтают. Она читала об этом в книгах, слышала от подруг. Но ведь речь шла о каких-то других мужчинах! А это – Сергей Ермошин. Он был для нее самым близким человеком в мечтах, и вот при встрече все оказалось точно так же. От человека, который так близок, можно ничего не скрывать – он все поймет.

У своей комнаты Эльза на минутку остановилась, Ермошин замер за ее плечом. Переведя дыхание, девушка распахнула двери:

– Входи.

Яркая лампа освещала уютное помещение, а в глаза сразу бросалась большая фотография прямо напротив, на стене. Два года назад Эльза вырезала ее из одного отечественного спортивного журнала, отнесла хорошему фотографу. Тот увеличил снимок, взял его в рамку... Это была самая удачная фотография пилота Ермошина. Он только что выпрыгнул из кабины на землю, смеялся, запрокинув голову, ветер трепал его волосы. Одной рукой он опирался на крыло, вторую – со шлемом – вскинул вверх... А слева и справа этого большого снимка-портрета веером расходились другие, маленькие фото из газет и журналов, на всех был опять же он – на велосипеде, на воздушном шаре, в кабинах летательных аппаратов!

Странно было видеть свое лицо в разных ипостасях здесь, в маленьком немецком городке, в комнате еще вчера незнакомой девушки. Господи, неужели они и правда только-только познакомились?

Сергей оглянулся к Лизе: она стояла, прижав ладошку к губам, словно просила его помолчать. Но он спросил:

– Так что же это, я мимоходом нахлобучил тебе свою кепку, а ты сразу и...

– Влюбилась! – подсказала она, глаза ее смеялись.

– Ну да – сразу и влюбилась?

– Еще раньше! Я ведь тогда на стадионе не случайно оказалась. Можно сказать – из дома убежала, чтобы тебя уви-

деть.

Они снова вышли на веранду, спустились в сад, медленно пошли по аллее, освещенной фонарями. Ермошин казался растерянным и даже немного ошеломленным. После долгой паузы он проговорил:

– Но почему, Лиза, именно я? Что во мне особенного? Столько лет... Нет! – Он ожесточенно помотал головой. – Я не понимаю!

– Я тоже не смогу тебе этого объяснить... – Голос девушки дрогнул от нежности, и у молодого человека вдруг закружилась голова так, что он даже остановился. – Просто для меня сразу стало все ясно.

– Послушай, Лиза! – Он вдруг быстро взял девушку за обе руки. – Я ведь избалован женским вниманием и часто для женщин был кумиром. Но ведь у тебя... это не то?

Его голос опустился до шепота, последнюю фразу он произнес так, словно умолял.

– Не то... – тихо ответила она. – И, ради бога, не заставляй себя говорить о прошлом. Я и так многое знаю... Мне все равно!.. Вернемся? Как твоя нога?

– Нет-нет, все хорошо. Мне нужно ходить.

Они вновь пошли по саду. Сергей несколько раз коротко поглядывал на девушку и думал: «Верно, газетчики всю историю с Вандой. А она, Лиза, читала...» На мгновение волна злости ударила в сердце: как же он не любил сейчас этих газетных пройдох, не щадивших ни чувств,

ни репутации. Правда, раньше – да еще вчера! – он об этом не задумывался, его это не волновало. Только теперь...

Польская красавица Ванда Маличевска почти год жила с ним – в Москве, Санкт-Петербурге, Варшаве, Вене, Париже, Берлине... Аристократка, свободная европейская женщина, она гордилась тем, что она любовница знаменитого авиатора. Сергей предлагал ей обвенчаться, и она согласилась, но время долго не назначала. Однако газеты уже трубили об их будущем браке... Ванда приходила на летные поля во время полетов, и ее непременно фотографировали: смотрящую в небо, бегущую по полю к аэроплану, обнимающую своего жениха... А потом Ермошин попал аварию, разбил аэроплан.

Это случилось как раз на родине Ванды, в Варшаве. Он летал на французской машине, принадлежавшей миллионеру-предпринимателю Потапову. Потапов хорошо платил пилоту, рекламные и показательные полеты приносили ему огромные барыши. В тот день был сильный ветер, Сергей предупреждал организаторов полета об опасности. Но публики собралось очень много, билеты продавались дорого – ему пришлось взлететь... Никто не знает, как тяжело далось ему управление аэропланом. Сергей знал, что конструкция этой машины несовершенна. У него были свои идеи и свои разработки, в которые он вложил не только талант изобретателя, но и большой опыт практика. Но ни Потапов, ни другие предприниматели не хотели рисковать: зачем им аппарат неизвестной конструкции, если можно летать на готовых и

проверенных аппаратах! У самого же Ермошина деньги были лишь на то, чтобы безбедно жить...

Когда он, с большим трудом проделав несколько фигур над варшавским летным полем, разворачивал самолет на посадку, налетел порыв ветра, потянул машину за крыло и бросил на землю. Ермошин отделался сильными ушибами, но машина разбилась. Потапов пришел в бешенство и тут же отказался от Ермошина, заявив, что нового аэроплана он ему не даст. В тот же вечер Ванда собрала свои вещи и уехала из гостиницы, где они жили.

– Знаешь, дорогой, – сказала она, – я не люблю неудачников.

Сергей тоже не любил неудачников. В трудную минуту в нем всегда пробуждалась спортивная злость. Через три дня со своим другом, немецким летчиком фон Даммлером, он уже был в Германии – на заводе Стиннеса, где производились предметы воздухоплавания и воздушные винты. С владельцем завода был подписан контракт: Ермошину предоставляются все условия для изготовления летательного аппарата его собственной конструкции. Он же потом в разных странах проведет столько показательных полетов, сколько будет нужно, чтобы вернуть вложенные средства.

Свою машину Сергей назвал «ЕР». Первые же полеты на ней прошли отлично – аэроплан был лучше тех, на которых Ермошин летал раньше. И публики он собирал столько, что вскоре уже мог рассчитаться с долгом. А там – сам себе

хозяин!.. В первое время он постоянно думал о Ванде. Он ведь хорошо знал ее: эгоистичную, эксцентричную, непостоянную. Сам по себе ее поступок не сильно удивил его, но все же, все же! Он ведь думал, что она его любит! Сам был уверен, что любил Ванду, ведь, помимо всего прочего, она была очень красива, умна, любила и умела развлекаться, в ней было столько шарма и страсти... Но прошло немного времени, и Сергей, занятый конструированием своего аппарата, вдруг с удивлением понял, что почти не вспоминает Ванду и совершенно не интересуется – где она, с кем... Пришлось признаться себе, что любви-то и не было и что Ванда, уйдя, оказала ему большую услугу. Вот только газетчики все еще продолжали муссировать тему разрыва знаменитого авиатора и польской красавицы.

...Обо всем этом Сергею очень хотелось рассказать девушке, идущей с ним рядом по маленькому саду. Но он боялся: вдруг она неправильно поймет его – решит, что он оправдывается и что готов очернить бывшую возлюбленную... Нет, ни за что ему не хотелось оказаться в глазах Лизы мелким, подлым! Он, чуть повернув голову, смотрел на нежный профиль девушки... Как давно он не испытывал такой легкости дыхания, такого счастливого покоя! И Сергей Ермошин неожиданно для себя понял: в свои тридцать два года он еще никого не любил. Да, собственно, и любимым-то не был! До сегодняшнего дня...

– Лизонька, я возьму тебя за руку, можно? – Быстро, не

ожидая ее ответа, Сергей взял ладонь девушки. – Какие у тебя холодные пальчики! Ты мерзнешь?

– Нет, у меня даже в самые жаркие дни руки прохладные. Я не знаю, почему это.

Он остановился, взял и другую руку девушки.

– Это ничего, – сказал с улыбкой. – Я теперь буду согревать твои руки. Если ты захочешь...

Викентий Павлович не знал об этом разговоре, произошедшем между молодыми людьми три дня назад. Но он ясно видел: они нашли друг друга. Неожиданно приятно было думать, что он, сам того не подозревая, дал возможность Ермошину и Эльзе встретиться. Впрочем, так ли уж «не подозревая»? Кое о чем он все-таки догадывался!

Сергей Ермошин пришелся по душе всем обитателям пансионата «Целебные воды». Викентий Павлович не сомневался, что так и случится. Он знал некий секрет Ермошина: как никто другой, тот умеет поднять настроение, вызывает мощный всплеск симпатии. Именно такие люди становятся кумирами, героями. Объяснение тому – внешнее и внутреннее обаяние, слитое воедино. Вот и Ермошин: он был талантлив, целеустремлен, упорен. Но не будь у него такой внешности – не было бы и такой славы! А ведь лицо у Ермошина, казалось бы, очень простое, очень русское. Но вот же – далеко не часто встречаются люди с подобными лицами. Человек с таким лицом просто обречен стать народным любимцем. Именно о них говорят: «Улыбка озаряет все вокруг». Перед

подобной улыбкой невозможно устоять: порой сам того не желая, улыбаешься в ответ и вдруг понимаешь, что грусть, тоска исчезли, в сердце – радость!.. Такие улыбки надолго остаются в памяти поколений. А особенно если этому человеку выпадает участь первооткрывателя.

И все-таки оказался в их небольшой компании человек, поглядывающий на Ермошина со скрытой злобой. Господин Лапидаров в первый день просто приплясывал вокруг знаменитого пилота, заглядывал ему в глаза маслянистым взором, первый смеялся шуткам и изо всех сил пытался выставить себя знатоком воздухоплавания. Из-за этого своего восторга он не замечал ни того, как Эльза смотрит на Ермошина, ни того, что Ермошин постоянно ищет встречного взгляда девушки. Но уже на следующий день, после завтрака, когда Лапидаров бросился догонять выходящего из столовой Ермошина, он вдруг резко остановился: молодой человек очень непосредственно взял Эльзу за руку, и девушка не только не отняла руки – сжала его пальцы!

Зато Ермошина тут же атаковал, не обращая внимания на Эльзу, Замятин. Он заговорил, эмоционально жестикулируя: – О, господин Ермошин, а я ведь видел вас на знаменитом соревновании с голландцем в Одессе! Ван Коллем его звали, помните? Он вас тогда обогнал, но это понятно, ведь вы давно уже не садились на велосипед! Газеты писали, что вы хотите взять реванш. Я уверен – непременно взяли бы! Не повезло голландцу, разбился насмерть...

Они, разговаривая, скрылись за углом дома. Лапидаров с ошеломленным видом смотрел им вслед.

Викентий Павлович все это видел не потому, что специально наблюдал. Он был просто так устроен: не мог не замечать. Вот и сейчас, за ужином, он видел: Лапидаров, уже не скрывая злости, коротко посматривает на Эльзу и Сергея, сидящих напротив. Они переговариваются, смеются, ни на что не обращая внимания, им дела нет до чувств Лапидарова. А тот, как ни злится, все же старается смотреть украдкой. Конечно же, он трусит перед Ермошиным, но зато отыгрывается на Людвиге Августовиче. Они сидят рядом, и Лапидаров что-то раздраженно выговаривает Лютцу. Тот слушает печально и внимательно, как всегда, склонив голову набок.

«Рушатся его матримониальные планы, – с иронией подумал Петрусенко о Лапидарове. – Неужели он и правда считал Эльзу уже своей?»

Не так давно Люся рассказала ему о своем разговоре с девушкой. Когда речь зашла о Лапидарове и его чувствах, Эльза резко вскинула голову:

– Мой отец может отдать ему все, что имеет, но только не меня!

Этот разговор происходил еще до появления в жизни Эльзы молодого авиатора. А уж теперь-то...

«Отдать все, что имеет...» Значит, об этом и в самом деле может идти речь? Чем же все-таки держит Лапидаров хозяйина и всю семью? А точнее – чем же шантажирует? Впрочем,

Викентий Павлович сам себя уже не первый раз одергивал. Это не его дело! Если бы Лютцы попросили о помощи, тогда бы он не отказал, стал бы выяснять подробности. Но теперь, как бы ни были симпатичны ему Лютцы, все, что происходит, их частное дело. И потом – рядом с Эльзой уже появился человек, способный легко защитить девушку. Похоже, он уже ей не чужой! А раз так, Ермошину под силу отвести достаточно серьезную угрозу от всей семьи.

Следующий день Викентию Павловичу запомнился, как никакой другой здесь, в Баден-Бадене. На то были причины. В этот день особенно ярко светило и грело солнце, а в прогретом воздухе витал такой сильный аромат хвои, словно он стекал в городок по воздушным потокам со всех окрестных гор! От этого запаха кружилась голова, его хотелось вдыхать открытым ртом, чувствуя, как очищаются легкие... В этот день он услышал много интересного и необычного, ближе узнал хороших людей. Этот день сам по себе был прекрасен и наполнен прекрасным настроением. А еще он был последним мирно-интересным днем отпуска Викентия Павловича. Все остальные дни тоже были интересны, но по-другому – тревожно, лихорадочно, напряженно... Но в тот чудесный день Петрусенко об этом еще не знал, как не знал и того, что некоторых своих соседей по пансионату он видит в последний раз.

Рано утром он, как всегда в отведенное для него время, отправился в термальный бассейн. Сидел, наслаждаясь теплой ванной, щебетом птиц, и только минут через десять вдруг спохватился – не слышно голоса Лапидарова. А он уже привык к болтовне этого человека, на которую вовсе не обязательно было отвечать, в которую можно вообще не вслушиваться, – просто некий звуковой фон. Молчание казалось

странным, тем более что из-за загородки, окружавшей соседний бассейн, доносились плеск воды, фыркание, покашливание. Викентию Павловичу даже захотелось окликнуть Лапидарова, но он себя одернул. Не стоит нарушать природную гармонию утра даже своим собственным голосом, а уж вульгарным похохатыванием Лапидарова – тем более!

Викентий Павлович стал даже надеяться, что разминется с Лапидаровым и на выходе из бассейна. Но не тут-то было. Когда он досуха растерся полотенцем, запахнул халат и вышел из кабинки, тут же стукнула соседняя деревянная дверь и на аллею вышел Лапидаров.

– Доброе утро, – произнес Петрусенко вежливо. – Как ваше самочувствие?

Лапидаров усмехнулся:

– Я здоров! Здешний климат мне подходит, и я отсюда не уеду!

Он говорил раздраженно и агрессивно, словно отвечал не на вопрос собеседника, а на свои собственные мысли... Потом, о чем-то вспомнив, остановился, заступив дорогу Викентию Павловичу.

– А вы, господин Петрусенко, удружили мне! Ведь это вы потащили Эльзу смотреть полеты? А потом своего знакольца, этого авиатора, зазвали сюда!

Петрусенко пожал плечами:

– В отличие от вас, Ермошин как раз нездоров. И здешние ванны ему нужнее, чем вам.

Он легким, неуловимым движением отеснил Лапидарова с дороги и пошел вперед. Тот растерялся, но потом быстро догнал Петрусенко:

– Я вижу, ему больше Эльза нужна, чем ванны! А ведь я вам по-дружески, как соотечественнику, о своих планах рассказал...

Тон у него поменялся, он скорее жаловался, чем обвинял... Однако Викентию Павловичу Лапидаров просто надоел. Он на минутку остановился на развилке, сказал, добавив в голос жесткости:

– У вас – одни планы, у кого-то – другие. Меня это не касается!

И быстро пошел к своему коттеджу. Честно говоря, ему было смешно: неужели этот человек и в самом деле думал заполучить Эльзу в жены по соглашению с ее отцом? Какие бы отношения ни связывали Лапидарова и Лютца, вряд ли Людвиг Августович стал бы принуждать дочь. А уж теперь, когда рядом Ермошин!..

В пансионе строгих правил не было, и постояльцы времянами обедали или ужинали в других местах – в соответствии со своими планами. Один только Лапидаров питался исключительно у Лютцев, но он, как уже понял Викентий Павлович, вообще не платил ни за еду, ни за проживание. Семейство Петрусенко однажды уже прогуляло общую трапезу, вот и в этот день они сами не заметили, как ушли за город и очутились в маленькой долине, где бежал быстрый поток, спу-

кающийся с соседней горы. А на нижних склонах этой горы росли яблони, груши, с ветвей которых свисали спелые плоды. Это явно не было чьим-то садом, и Люся с Викентием рискнули сорвать несколько яблок и груш. А потом тропинка перешла в уже рукотворную дорожку, выющуюся серпантином. Они пошли по ней и скоро очутились на площадке перед маленьким рестораном – над входом висело деревянное старинное колесо. Здесь они и задержались надолго, в свое удовольствие.

На обратном пути, уже в городе, вновь встретили коляску с беременной английской леди. Катюша узнала ее, зашептала отцу и матери:

– Смотрите, вот эта тетенька, в коляске! Я не буду на нее смотреть, отвернусь!

– Почему, малышка? – удивился Викентий Павлович.

– Она красивая, но я ее боюсь! Других, в колясках, не боюсь, а ее боюсь.

– И правда, Викентий, – покачала головой Людмила. – У нее настолько высокомерный вид, что даже мне не по себе...

Когда же они наконец вернулись на виллу Лютцев, обед давно прошел и столовая на время превратилась в читальный зал. Во всяком случае, супруги-норвежцы и Людвиг Августович сидели в креслах, читали газеты. Других постояльцев видно не было – каждый занимался своими делами. Но зато на веранде оживленно болтали Грета и Ганс: служанка лущила бобы, а ее жених ей помогал. Викентий Павлович

приветливо поздоровался, спросил:

– Что, Ганс, ты сегодня выходной?

– Если бы! – воскликнул парень. – Отработал до обеда, три часа свободен, а потом пойду в вечернюю смену. Напарник мой заболел, так я и сегодня, и завтра подменяю его.

– Наверное, и оплата двойная?

– Да, – кивнул Ганс.

Он выглядел довольным, и Викентий Павлович подумал, что его можно понять: курортный сезон хорошо кормит всех, кто живет в городке и его окрестностях. Ясно, что в свободные часы парень пришел навестить свою невесту. Викентий Павлович решил не мешать им, удалиться, но Ганс сам заговорил с ним:

– Вы в нашем городе впервые? Вам здесь нравится?

– Жена моя была здесь в юности, а я, верно, впервые. Очень славные места! Мы только что гуляли по горной дороге, вон там... – Викентий Павлович махнул рукой. – Знаете, наверное? Там еще есть ресторанчик, «Колесо» называется.

– Конечно, знаю! – воскликнула Грета. – Там очень красиво!

– Но вот только людей там бывает немного, – как-то по-особенному сказал Ганс, и они с Гретой переглянулись.

– Почему же? – сразу спросил Петрусенко.

Ганс тихо и очень серьезно стал объяснять:

– В той стороне – «Замок Кровавой Эльзы». Как раз от ресторана «Колесо», где вы были, дорога поворачивает к нему.

До замка еще, конечно, далеко, и он гораздо выше: нужно идти через лес. Когда-то туда вела хорошая дорога – для экипажей, телег, конных и пеших. Но все давно заросло, ведь туда никто не ходит...

– Почему же? – удивился Петрусенко. – Даже отсюда видно, что замок не так уж сильно разрушен. Туристам наверняка интересно его посмотреть, я и сам бы не прочь! Разве это какой-то особый государственный объект?

– Нет, конечно. Но там, на дороге, есть полицейский пост, дальше него проход запрещен. Когда-то давно выше этого места произошел обвал, теперь там глубокая впадина. Опасно...

– Но это все же не главное? – спросил Викентий Павлович, уловив по интонации парня, что он имеет в виду иную опасность.

– Вокруг замка бродит графиня Эльза! – прошептала Грета.

– Неужто сама? А я думал, она давно умерла!

– Не нужно смеяться, – укоризненно покачала головой девушка. – Графиня умерла, но ее злой дух живет в замке! В здешних местах это все знают!

– Ну, про это я уже слышал, – улыбнулся Петрусенко. – И даже от человека, который сам видел призрак кровожадной графини.

– Ой, правда? – воскликнула Грета. – Кто же это? Кто-то из местных, наверное!

– Из местных, да только не ваших, а наших – пансионатских. Викто́р Замятин мне на днях рассказывал, как бледная бестелесная женщина тянула к нему руки! А нам вот сегодня не повезло, нам она не встретилась, хотя мы гуляли в тех же местах!

– Вот вы опять смеетесь, – покачала головой Грета. – А я вам скажу: вас было аж три человека, а графиня показывается одиночкам. Герр Викто́р всегда бродит один, забирается в безлюдные места... Я его предупреждала!

– И верно, – поддержал девушку Ганс. – Этот парень, он как ребенок, ничего не боится! И напрасно! Я сам видел однажды, как он на велосипеде – взял, наверное, в городе напрокат – ехал один по горной дороге, вверх. Верно Грета говорит, что он слаб умом! Хорошо, что там есть полицейский пост.

«Да, – подумал Викентий Павлович, – немцы народ суеверный, особенно в маленьких городах и селах... Впрочем, так же, как и у нас! Никому и в голову не придет любопытства ради пробираться в замок. А тем более что на пути – полицейский пост! О, немец свою полицию уважает! Сам вид полицейского вызывает у него благоговейный трепет и чувство уверенности: есть порядок, значит – все хорошо!...»

– А как же приезжий народ? – спросил он. – Разве никто не пытается проникнуть в такое необычно интересное место?

– Они не знают туда дороги, – ответил Ганс. – Замок так

строился, что подойти к нему непросто.

– И слава богу! – Грета вылушила последний стручок бобов и стала собирать мусор. – А «ее», – она многозначительно понизила голос, – Серый монах сюда вниз не пускает!

– Серый монах? Кто это? – удивился Петрусенко.

Парень и девушка переглянулись с улыбкой, словно сказали один другому: «Ох уж эти приезжие, ничего они не знают!» Однако Ганс вежливо и подробно объяснил:

– Здесь у нас, в горах Шварцвальда, и рядом, в Гарце, почитают духа гор Рюбецаля. Это могучий дух: он вызывает горные обвалы, камнепады, нагоняет бури и ураганы. Но он справедлив – наказывает только плохих людей, а добрым и работающим помогает. Он может обогатить бедняка, открыв перед ним скрытые в горах сокровища... Он много чего может! И перед людьми Рюбецаль очень часто предстанет в одежде монаха, в серой простой рясе, а лицо его за капюшоном не разглядеть. Потому у нас и называют его Серым монахом.

– Понятно, – кивнул Викентий Павлович. – Но какая связь между духом гор и духом умершей графини-злодейки?

Грета несколько раз быстро перекрестилась:

– Даже и говорить о ней – грех! Но ведь вам уже о ней рассказывали?

– Фрейлейн Эльза поведала мне эту очень интересную историю. Она говорит, что это исторический факт: и невероятные психические отклонения графини, и то, что она была

заживо замурована и умерла в замке...

– Так, конечно, пишут в книгах, – покачала головой служанка. – А у нас в деревне и в других деревнях мы знаем другое... Графиня Эльза убежала из замка!

– Из замурованной комнаты? – с улыбкой спросил Петрусенко.

– Она же была колдунья!

Девушка с такой непреерекаемой убежденностью воскликнула это, что Викентий Павлович быстро-быстро согласился:

– Да, конечно, я и забыл... И что же дальше?

– А дальше Рюбецаль открыл у нее на пути бездонное ущелье. Она стояла на одном его краю, как демон зла, а он, в своей серой рясе, – на другом. Когда их взгляды встретились, блеснула молния, и Кровавая Эльза упала замертво. Рюбецаль ее победил!

– Он перенес тело графини обратно в замок, в замурованную комнату, там его и нашли, – подхватил Ганс. – Но ее дух, полный злобы и жажды мести, успел покинуть тело и остался снаружи.

«Как будто стены смогли бы удержать дух, окажись он даже в теле», – весело подумал Викентий Павлович, но от комментариев воздержался.

– Серый монах оберегает нас! Иначе бы дух Кровавой графини извел всех вокруг, как она изводила людей при жизни. Рюбецаль не пускает ее дальше замка. Но бывает иногда, что она прорывается, и если кто-нибудь встретится ей на пути,

домой уже никогда не вернется.

У Греты сделались огромные от испуга глаза, и она вновь перекрестилась. А Викентий Павлович спросил:

– А кто пропадает? Местные жители?

– Да, несколько раз исчезали люди с хуторов и ферм... Давно, правда. А три года назад два приезжих господина ушли в горы и пропали. Их так и не нашли. Значит, она, графиня, ее злой дух!..

Викентий Павлович начал было расспрашивать парня и девушку о пропавших, но они больше ничего не знали. Да он и сам себя одернул: вот уж сыскная привычка видеть во всем преступление! Туристы могли, конечно, заблудиться в лесистых горах, где есть и ущелья, и обрывы, и, наверное, пещеры-лабиринты. Да, кое-что еще сохранилось в горах Шварцвальда, что само по себе просто удивительно! Немцы настолько любят порядок и благоустроенность, что предпочитают и природу загонять в рамки. И все же... Но, скорее всего, туристы просто уехали или даже ушли пешком дальше, по каким-то своим маршрутам, не позаботившись поставить об этом в известность окружающих. Ну а пропажи среди местного населения... Где тут правда, где суеверия и фантазии – постороннему человеку не понять. Да и зачем?

Дочка, утомленная долгим путешествием, заснула в этот вечер рано, сразу после ужина. Викентий Павлович сидел на веранде, курил трубку и читал, когда рядом, на аллее, показался его сосед по коттеджу – фон Кассель. Они приветливо

кивнули друг другу, и Петрусенко, захлопнув книгу, предложил:

– Хотите реванш?

Прошлым вечером он выиграл партию в шахматы. Фон Кассель кивнул и поднялся на веранду. Они расставили фигуры, сделали несколько ходов. Фон Кассель надолго задумался, потом вдруг улыбнулся:

– Вы, герр Петрусенко, думаете, наверное: «Вот неважный игрок, а туда же – садится за доску!» А ведь я в юности отлично играл. И в военном училище – там у меня мало достойных соперников было. И потом, в своем городке Граф-Лейке, там, в долине Оранжевой реки, я даже был чемпионом! Вот только потом много лет ни с кем играть не довелось, да и не до того было. Это когда пришлось спешно бежать от англичан... Вы просили меня рассказать о нашей жизни в Южной Африке. Вам все еще интересно?

Викентий Павлович и в самом деле как-то в разговоре сказал, что хотел бы послушать об англо-бурской войне из уст очевидца. Но это было сказано мимоходом, а вот теперь, похоже, буру самому хотелось воспоминаний.

– Одну минуточку, – попросил его Петрусенко. – Если позволите, я позову жену! Она не простит мне, если пропустит ваш рассказ...

Петрусенко очень хорошо знал, как далеко простирались колониальные интересы Германии – практически на все континенты. С особой силой это проявилось в восьмидесятые

годы прошлого века – впрочем, не так уж и давно. Именно тогда в Южной Африке появились первые немецкие фактории. А в 1884 году канцлер Бисмарк, управлявший Германией как своей вотчиной, уведомил державы мира об учреждении германского протектората над обширной территорией между бухтой Ангра-Пекена и Оранжевой рекой. Именно тогда, в 84-м году, двадцатичетырехлетний лейтенант колониального полка Герхард фон Кассель прибыл в Южную Африку.

Он был отпрыском знатного рода, впрочем – младшим сыном, без наследства. Перед ним открывалась перспективная военная карьера. Но... африканский воздух, напоенный неведомыми ароматами, пронизанный иным ритмом жизни, просто заворожил романтичного молодого человека. Они стояли лагерем в долине, прилегающей к Оранжевой реке, недалеко от городка Грааф-Лейка – центра бурского округа. Окрестные фермеры-буры снабжали военных продуктами, молодые офицеры в свободное время ездили в город, их приглашали на вечеринки фермеров. Именно на такой вечеринке Герхард познакомился с Николеттой – дочерью богатого бура Йоста ван Коорна. Их чувства оказались взаимны, и скоро они поженились. Николетта была единственной дочерью, и когда через два года после свадьбы ее отец заболел и умер, она стала хозяйкой большой фермы с табунами коней, овцами, быками, а также рабами-готтентотами. Герхард уже и до этого каждую свободную минуту проводил на фер-

ме, помогал тестю. Теперь же, не раздумывая, вышел в отставку и сам стал скотоводом. Все у них шло хорошо: хозяйство приносило стабильный доход, родился сын Гендрик, через шесть лет – дочь Гертруда. Герхард фон Кассель быстро стал влиятельным человеком в колонии. У него было военное образование, и потому именно его избрали начальником бурского конного ополчения, которое созывалось для отражения набегов дикарей, для охраны города и округа. Гендрик уже ходил в школу, когда началась война с англичанами.

Викентий Павлович прекрасно помнил это время. Три года со страниц газет не сходили публикации об англо-бурской войне. Симпатии буквально всех были на стороне отважных буров, которые сражались за свои свободные республики. Англичан называли палачами, захватчиками, тиранами! На железных дорогах постоянно вылавливали гимназистов – от десяти и до семнадцати лет, – которые мечтали пробраться в Южную Африку и сражаться вместе с бурами... Прекрасные чувства – благородные, романтические! Почти десять лет миновало, а нет-нет да и заиграет на улице шарманка песенку того времени:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.